

Виктор Унрау

НЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Липецк
«Ориус»

2010

ББК 87.7 У- 60

УДК 17

Унрау В. А.

17 «Не Евангелие». — Липецк, 2010 г. — 120 с.

В этой книге рассматриваются самые трудные вопросы этики: может ли человек быть альтруистом, и что заставляет одних людей жертвовать собой ради других? Эти вопросы по оценке авторитетного журнала Science стоят в одном ряду с величайшими загадками, которые пытается решить современная наука. На главные вопросы этики моралисты пытаются ответить уже несколько веков, и до сих пор никто на них не ответил.

© Унрау В. А. 2010 г.

© ПК «Ориус»

НЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Предисловие

Этическая философия хочет знать, почему возможна нравственность, и что заставляет одних людей жертвовать собой ради других. Это главный вопрос этики, на который уже несколько веков не могут найти ответа.

Я думаю, этическая философия с теми представлениями, которые она имеет о нравственности, никогда не ответит на этот вопрос.

По словам Бердяева, есть человеческие нравственные понятия, и нравственные понятия, открытые Богом и заключенные в Евангелии.

Так вот, этическая философия имеет дело с нравственными понятиями, которые открыл Бог и не прикасается к нравственным понятиям, которые выработал из своей природы сам человек.

Этическая философия, так же, как и теология, начинается, если не с презрения, то с недоверия к человеческой природе.

«Миф о грехопадении и наследственной вине, — говорит Шелер, — гнетет еще и сегодня все западноевропейское человечество».¹

Фрейд утверждает, что большинство людей враждебно относятся к запретам культуры, которая запрещает им быть скотами, какими они рождаются.

«Если представить себе, — рассуждает он, — что запреты эти сняты, то можно не долго думая, убить своего соперника из-за женщины или любого, кто вообще стоит поперек дороги».²

Психоаналитик Эрих Нойман думал, что знает преиспод-

¹ М. Шелер «Человек и история»

² З. Фрейд «Будущее одной иллюзии»

нюю человеческой души, и в свободное от работы время сочинял новую этику, потому что этика традиционная, как он считал, была не способна нравственно преобразовать человека.

Он рассказывает, что когда-то некий Голос адресовал знание этики «достаточно сильным индивидуальностям». Те через апостолов довели эти знания до остальных людей. Но этим остальным людям, так называемой серой массе, эти знания не понравились. Однако они все равно их приняли, потому что человек имеет склонность «признавать высший закон элиты».³

Правда, трусливо признавая этот закон, масса не хочет быть другой, поэтому нравственность превращается у нее в лицемерную личину, в скорлупу, за которой индивид прячет свою истинную сущность.

Это тот самый маскарад, где, по словам Шопенгауэра, «один предлагает поддельный товар, а другой расплачивается фальшивою монетою».⁴

Надеясь на себя личину нравственности, человек вытесняет или подавляет в себе «темную, странную, эксцентричную, тайную и ужасную сторону своей природы». Нойман называет эту скрытую сторону человеческой природы «низшим элементом», тенью или «темным братом».

Этот низший элемент и есть истинная сущность человеческой природы.

«Темный брат» был хорошо знаком Нойману, и благодаря этому знакомству человечество имеет возможность лицезреть, как выглядит эта мерзкая тварь.

У себя в психиатрической лечебнице Нойман каждый день спускался в преисподнюю человеческой души, находил эту отвратительную тень и заставлял ее страдать и мучиться из-за собственного несовершенства.

Благодаря «психоаналитической методике пробивания инфляционной оболочки» Нойман добивался неплохих результатов. Он сообщает, что на «темного брата» признание своей

³ Э. Нойман «Новая этика»

⁴ А. Шопенгауэр «Афоризмы и максимы»

никчемности, уродливости, животного родства с обезьянами, скотской сексуальности и стадности «производит потрясающее впечатление».⁵

«Темный брат» предстает «в образах нищего или хромого, изгоя или дурного человека, униженного или оскорбленного, грабителя, психически не нормального и так далее».⁶

«Если, – комментирует Нойман, – кому-нибудь приснится горбун, перепрыгивающий через ограду и вцепившийся в горло сновидцу с криком – «я тоже хочу причаститься к твоей жизни», это свидетельствует о преобладании насильственно-разбойничьего характера тени».⁷

А разве Кант, этот генеральный прокурор этической философии, был высокого мнения о человеческой природе? Да, он признавал абсолютную ценность за человеком, но, благоговей перед звездным небом, он не благоговел перед бездной человеческой души.

«Человек, – говорит этот великий моралист, – сделан из слишком кривого дерева, чтобы из него можно было выстругать что-нибудь совершенно прямое».⁸

Есть, правда, философы, которые предполагают в человеке положительное начало. Но и у них это положительное рядом с эгоизмом «выглядит отставшим в развитии близнецом, которого в состоянии поставить на ноги только самый тщательный уход».⁹

Вот, если сгустить краски, какое чудовище, какой нравственный урод стоит перед глазами этической философии. И она не может допустить, что это исчадие ада могло бы сотворить из себя самого нравственные понятия.

«В пределах опыта, с которым имеет дело позитивная наука, – говорит Бердяев, – этическая идея личности ускользает. За эмпирической личностью мы не можем признать абсолют-

⁵ Э. Нойман «Новая этика»

⁶ Э. Нойман «Новая этика»

⁷ Э. Нойман «Новая этика»

⁸ М. Шелер «Человек и история»

⁹ Швейцер «Культура и этика»

ной ценности. В эмпирической действительности человек слишком часто не бывает человеком, которого мы считаем самоцелью, и который должен быть свят».¹⁰

Моральная философия представляет нравственность, как нечто источающее благо и не причиняющее вреда. Она подменила нравственное добрым и не могла допустить, чтобы зло творило благо. Ведь нравственность у моралистов как раз для того и существует, чтобы исправить злую человеческую природу.

Поэтому этическая философия за эталон нравственности взяла человека не эмпирического, того человека, которого еще теология кастрировала, стерилизовала и превратила в святые мощи.

И в этом не эмпирическом человеке, попиленном, окропленном, выструганном и прямом, как половая доска она не находит того принудительного начала, которое заставляет его быть нравственным.

И то, что этическая философия не может обнаружить в святом человеке, есть в человеке, который не свят.

Именно этот эмпирический человек, и именно потому, что он не свят, способен поступать нравственно и совершать поступки, которые называют альтруистичными. Именно в этом человеке с улицы есть то, что могущественно и непрестанно приневоливает его поступать нравственно или безнравственно.

Ответ на вечный вопрос этики: что заставляет человека умереть, спасая и защищая других людей, что заставляет его быть альтруистом, лежит в этом не святом человеке прямо на поверхности.

1. Заблуждения этической философии

Философы думают, что нравственному человеку чужие интересы и чужая жизнь дороже собственных интересов и собственной жизни, что нравственность «представляет собой деяние, направленное на благо других».¹¹

¹⁰ Н. Бердяев «Этическая проблема в свете философского идеализма»

¹¹ А. Швейцер «Культура и этика»

Здесь важно, что, по мнению моралистов, это не случайный эффект, не побочный результат какого-то другого деяния, а деяние, специально направленное на благо других.

Нравственные люди «помогают и дают, оказывают услуги и отказываются от своего, – это слова Шопенгауэра, – не имея в душе своей никакого иного умысла, кроме того, чтобы была оказана помощь другому, видимо в ней нуждающемуся».¹²

Хотя, кажется, сам, этот разочарованный в людях флейтист, никогда и не встречал подобных существ, кроме собак.

Мне кажется, что и Аристотель обольщался этой же добродетелью. Он относил ее к правосудности, и говорил, что ей дивились больше, чем «свету вечерней и утренней звезды».¹³

«Правосудный, – пишет он, – считается способным распределять блага между собою и другими, а также между другими лицами не так, чтобы больше досталось ему самому, а меньше – ближнему».¹⁴

Правосудного Аристотель называет самым добродетельным, потому что его добродетель направлена на другого, а «это трудное дело».

«Нравственными, – пишет о нравственности, как о научно установленной истине, профессор Преображенский, – единодушно признаются действия, не имеющие себялюбивых или своекорыстных побуждений, вызванные симпатией или состраданием к ближнему, одушевленные стремлением к общему благу и пользе.

Нравственность отождествляется с симпатией, состраданием, самоотречением, самопожертвованием, подчинением своей личности интересам общества или человечества».¹⁵

Смит находит идеальный пример самопожертвования в мифе о царе Аттики по имени Кодр.

Эталонный образец альтруизма Кодр показал во время войны Афин с дорийцами.

¹² А. Шопенгауэр «Две основные проблемы этики»

¹³ Аристотель «Большая этика»

¹⁴ Аристотель «Большая этика»

¹⁵ В.П.Преображенский «Фридрих Ницше, критика морали альтруизма»

Дорийцы долго не могли взять Афины и послали узнать к оракулу, смогут ли они когда-нибудь ворваться в город. Оракул ответил, что Афины никогда не сдадутся, если погибнет Кодр.

В Афинах тоже узнали об ответе оракула, и тогда Кодр переоделся простолюдином, пришел в лагерь дорийцев, устроил драку с солдатами, и его убили.¹⁶

Дорийцы узнали, что Кодр убит, сняли осаду с Афин, и ушли ни с чем.

И вот эту готовность стать жертвенным животным других людей называют нравственностью.

Я думаю, в этом требовании жить для других, приносить себя в жертву другим есть что-то несправедливое и пренебрежительное к человеку, есть что-то страшное и языческое.

Рассказывают, в Южной Америке, где свирепствуют пирании, пастухи, перегоняя скот через реку, жертвуют одной коровой. Они отводят обреченную жертву вниз по течению, загоняют в воду, и когда корова пускается вплавь, вода вокруг нее вскипает кровавой пеной – так пирании начинают пожирать обреченное и несчастное животное.

Пастухи тем временем спокойно загоняют скот в воду и переправляются на другой берег. Пока пирании режут на куски жертвенную корову, они не опасны ни стаду, ни пастухам.

И мне кажется, люди, которые ожидают жертвенности от других, похожи на этих пастухов и на это стадо. Они могут чувствовать себя в безопасности, пока несчастья и смерть заняты другими людьми.

И среди этой тупой уверенности, что всем вместе хорошо там, где каждому в отдельности плохо, находится не так много людей, похожих на Монтеня, который сомневается в нравственной ценности принципа *vivre pour autrui*.¹⁷

«Всякий человек достаточно подвергает себя опасности ради самого себя, – говорит он, – и не следует, чтобы он подвергал себя ей еще ради кого-нибудь другого».

¹⁶ Есть несколько версий этого происшествия.

¹⁷ Жить для других.

К тому же требовать и ожидать бескорыстной помощи от других, это значит несправедливо «ставить ценность их жизни ниже своей и превозносить свою значимость».

«Для порядочного человека, – говорит Монтень, – недопустимо заставлять другого разделять его судьбу».¹⁸

Тем не менее, моралисты, как жрецы над каменными жертвенниками, требуют крови, и только не могут придумать такую причину, чтобы человека не волокли на жертвенник, а чтобы он сам пришел и сам себя зарезал.

Проще всего было бы избавиться от этой проблемы, заявив, что нравственное поведение, альтруизм противоречат природе человека.

Ведь говорит же Дарвин, что «естественный отбор никогда не может привести к образованию у существа какой бы то ни было структуры, скорее вредной, чем полезной, потому что естественный отбор действует только на благо каждого существа и через посредство этого блага».¹⁹

Пейли, на которого ссылается Дарвин говорит еще яснее: «никогда не сможет образоваться орган, со специальной целью причинять боль или какой-либо вред его обладателю».²⁰

Правда, в этом месте Дарвин пишет о морфологических структурах. Но если природа не может произвести вредную морфологическую структуру, то почему она должна делать исключение для поведенческих программ?

И, стало быть, мир устроен таким образом, что природа не может создать ни морфологический орган, ни поведенческую программу, предназначенную для блага всего того, что находится вне организма.

«Если бы можно было доказать, – пишет Дарвин, – что какая-либо часть строения была образована у одного вида исключительно на пользу другого вида, это уничтожило бы мою теорию».²¹

¹⁸ М. Монтень «Опыты»

¹⁹ Ч. Дарвин. «Происхождение видов»

²⁰ Ч. Дарвин. «Происхождение видов»

²¹ Ч. Дарвин. «Происхождение видов»

Однако природа строго и сурово придерживается законов, открытых Дарвином, а люди, рискуют жизнью и даже умирают, защищая других людей.

Мне кажется, если бы Дарвин имел ясное представление о нравственности, он бы не стал беспокоиться за свою теорию. Но он был в плену тех представлений, которые в этической философии господствовали и господствуют до сих пор.

2. Внутренний импульс нравственного поведения

Итак, нравственная идея этической философии состоит в том, что нравственный человек бескорыстно служит другим людям и готов к самоотречению во имя их блага.

К этому образу нравственности от Эразма Роттердамского до наших дней не нашлось что добавить, и этическая философия все свои силы бросила на поиски внутреннего мотива того поведения, которое принято было считать альтруистичным.

Не знаю почему, после Конта самопожертвование и бескорыстие стали называть альтруизмом. Контовский альтруизм совсем не похож на то, что имеют в виду моралисты, когда говорят о самопожертвовании.

Если этической философии было сложно объяснить, почему люди жертвуют собой ради других, то не так уж и сложно понять, почему контовский альтруист живет для других.

Альтруист Конта не может появиться в таком обществе, где не каждый наравне со всеми может пользоваться общими благами. Человеку в несправедливо устроенном обществе не выгодно и даже глупо ущемлять свои интересы к чужой выгоде.

Победа альтруизма над эгоизмом по теории Конта может произойти только в эпоху позитивизма. Так основоположник социологии называет последнюю формацию в историческом развитии общества.

В эту эпоху каждый человек может наравне со всеми пользоваться общими благами, и именно эта эпоха становится золотым веком альтруистов.

Контовские альтруисты служат не отдельно взятому человеку, а обществу. И постольку, поскольку сам альтруист пользуется благами общественной жизни, то, служа обществу, он служит и себе в том числе.

Строго говоря, альтруизм Конта, это противоположность индивидуализма, и по своему значению близок к коллективизму, если не есть сам коллективизм.

Поэтому Тихомиров и говорит, что источник альтруизма не интимная, а общественная жизнь, и альтруизм, это не отношение человека к человеку, это отношение человека к обществу.

Моральная же философия включает альтруизм не в общественные, а в личные отношения, и предлагает два варианта, каким образом можно заставить человека жить для других.

Первый вариант сводится к тому, что причина альтруизма находится в эгоистической природе человека. Человек поступает нравственно, потому что нравственно поступать выгоднее, чем безнравственно.

2.1. Гольбах

Одну из многочисленных теорий эгоистической природы неэгоистических поступков предложил Гольбах.

Он исходит из того, что любое чувствующее и разумное существо заботится о своем самосохранении и благополучии. Однако опыт и разум подсказывают ему, что оно не сможет обеспечить себе безопасность и благополучие без посторонней помощи.

Но эту помощь «чувствующее и разумное существо» может получить, если само будет помогать другим. Другие принесут себя в жертву этому существу, если оно само будет жертвовать собой ради других.

Такова по Гольбаху подлинная основа всякой нравственности.

Гольбах не просто искал внутренний импульс нравственного поведения. Он демонстративно и высокомерно заменил

Бога, как внешнюю причину нравственности, этим своим внутренним импульсом.

Он думал, что между внешним и внутренним импульсами такая же разница, как «между человеком, которого выбрасывают из окна, и человеком, который сам из него выбрасывается».²² И он, наивно, полагал, что если человека не выбрасывать из окна, то он охотно выбросится сам.

Главный недостаток этой теории состоит в том, что фанатичный христианин, пожалуй, мог бы пойти на смерть, если другой человек в этом нуждается, потому что именно в такой смерти состоит смысл его жизни. Но альтруист Гольбах никогда на это не пойдет, потому что именно смерть обесмысливает всякий его поступок, направленный на самосохранение.

2.2. Триверс

Теорий так называемого разумного эгоизма было много.

В двадцатом веке идея о том, что человеку следует вести себя так, чтобы «снискать привязанность, одобрение, уважение и помощь» других людей, «которые могут оказаться особенно полезными для его собственных целей»²³ снова стала популярной благодаря теории так называемого реципрокного альтруизма Триверса.

Эта теория называется еще теорией взаимного альтруизма.

Как выгодно помогать друг другу, Роберт Райт показывает на примере двух шимпанзе.

Что характерно, история начинается с того, что один шимпанзе «убил молодую обезьянку» и предлагает мясо своему приятелю, «которому до сего момента еды не хватало».²⁴

«Скажем, – рассуждает Райт, как опытный мясник, – вы даете ему пять унций мяса. Назовем это потерей для вас пяти

²² П. Гольбах «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного»

²³ П. Гольбах «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного»

²⁴ Р. Райт «Моральное животное»

баллов. Теперь очень важно то, что приобретение другого шимпанзе больше, чем ваша потеря. У него был период острой нужды, поэтому действительная ценность пищи для него – в понятиях вклада в генетическое приумножение – необычайно высока.

Если бы он был человеком и думал о своих обязательствах или был вынужден подписать кабальный контракт, он мог бы рассудительно согласиться расплатиться за пять унций мяса, скажем, шестью унциями. Выходит, он приобрел шесть баллов в этом обмене, хотя вам это стоило только пять».²⁵

По бухгалтерии Триверса в натуральном выражении альтруист не жертвует, а наоборот остается с наваром. С каждых пяти унций мяса он получает одну сверху, и может получить даже больше. Это зависит от того, какой контракт подпишет голодный шимпанзе. Но главное приобретение – это благодарный друг. В трудную минуту уже он даст голодному альтруисту пять унций мяса и запишет в контракте, что дал шесть.

Райт нисколько не обобщает относительно нравственной ценности реципрокного альтруизма, и называет вещи своими именами. Реципрокный альтруизм – это товарообмен. В нем больше торгашеского, чем нравственного, и в экономическую выгоду реципрокного альтруиста, конечно, не входит самопожертвование.

2.3. Гоббс

Некоторые другие теории доказывают, что эгоизм преобразуется в альтруизм благодаря внешнему принуждению. У Гоббса такой внешней силой оказывается государство. Оно награждает или наказывает, за нравственные и безнравственные поступки, и, избегая наказания, человек становится нравственным.

«Сами по себе, – комментирует Гоббса Альберт Швейцер, – люди не могут отрешиться от близорукого эгоизма, и поэтому не в состоянии достичь благополучия. Им не остается ничего другого, кроме как определить в своей среде некий авторитет,

²⁵ Р. Райт «Моральное животное»

который будет силой побуждать их к альтруизму».²⁶

Но государственное или, точнее сказать, правовое сознание опирается на здравый смысл и относится к самопожертвованию совсем не так, как это делают моралисты.

Правовое сознание к героизму относится безразлично, к безрассудству – отрицательно, а за неоказание помощи преследует только тогда, когда человек не помог другому человеку в беде, имея средства и возможности для оказания помощи.

И для него совершенно безразлично, сделал он это из-за малодушия или намерено.

Этот принцип хорошо иллюстрирует отношение правового сознания к спасению утопающих.

Закон предписывает спасти тонущего человека только тогда, когда это целесообразно и не связано со смертельным риском.

По морскому праву капитан судна обязан спасти всех терпящих бедствие на воде, даже если тонут граждане враждебного государства.

Если в открытом море обнаружены погибающие, и им не оказана помощь, или капитан судна получил сигнал бедствия, но не пришел на помощь, наступает ответственность за неоказание помощи в соответствии с международным правом.

Но международная конвенция возлагает на капитана обязанность спасти терпящих бедствие на море, «насколько он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, своего экипажа, своих пассажиров».²⁷

По правилам управления кораблем, командир судна «принимает все меры к спасению упавшего за борт и покидает район бедствия только после того, как полностью исчерпает меры спасения упавшего».

В военное время капитан действует сообразно с обстановкой, и имеет законное право бросить утопающего на произвол судьбы, если этого требуют военные обстоятельства.

²⁶ А. Швейцер «Культура и этика»

²⁷ Международная конвенция от 23 сентября 1910 года «Об объединении некоторых правил относительно оказания помощи и спасения на море»

После катастрофы «Титаника» стало известно, что шлюпки, спущенные с лайнера, уходили с места аварии полупустыми, в то время как сотни людей тонули в ледяной воде.

Шлюпка матроса Томаса Джонса могла принять еще человек тридцать, но женщины требовали и уговаривали моряка, чтобы он не терял время на спасение утопающих и поскорее отошел от тонущего корабля.

Пассажиры другой шлюпки наоборот требовали, чтобы моряки бросили весла и подобрали утопающих. Но командир сказал, что если они не уйдут подальше от тонущего корабля, их засосет огромная воронка или они погибнут от взрыва котлов, и, что, наконец, утопающие могут вцепиться в шлюпку мертвой хваткой, и она пойдет ко дну.

Все эти случаи, судя по всему, расценили как неблагоприятные обстоятельства для оказания помощи пострадавшим.

Перед судом после кораблекрушения предстал только шотландский землевладелец сэр Космо Дафф Гордон.

С девятью пассажирами и членами экипажа он уплыл с места катастрофы в шлюпке, рассчитанной на сорок человек. Суд обвинил Гордона в том, что он уговорил гребцов не задерживаться для оказания помощи другим пассажирам «Титаника», пообещав им денежное вознаграждение.

Из этих примеров можно сделать вывод, что государство не считает разумным принудить одного человека пожертвовать собой ради другого.

2.4. Шопенгауэр и Смит

Второй вариант внутреннего импульса опирается на предположение, что в природе человека есть свойства, которые сами по себе побуждают его к альтруизму.

Философы, например, Смит и Шопенгауэр, такими свойствами считают сострадание и сочувствие, что, в общем-то, одно и то же. Соловьев в качестве побудительного мотива к альтруизму рассматривает жалость, которая, по-моему, всего лишь другое название сочувствия и сострадания.

Но может ли сострадание, сочувствие или жалость принудить человека выступить, например, против сильного на стороне слабого?

И Смит, и Шопенгауэр справедливо говорят, что сострадание и сочувствие вызывает желание помочь несчастному, и думают, что одного этого желания достаточно, чтобы приневолить человека к нравственной деятельности. Ни тому, ни другому даже не приходит в голову, что именно сострадание этому и препятствует.

Шопенгауэр, вообще говоря, плохо себе представлял, каким образом страдание одного человека становится состраданием другого, и называл это явление великим таинством этики.

«Процесс этот, — пишет он, — достоин удивления, даже полон тайны».²⁸

На самом деле все тут не так таинственно, как кажется Шопенгауэру.

Смит исследовал феномен сочувствия глубже, и, между прочим, говорит, что «симпатия рождается в нас гораздо менее созерцанием страстей, нежели созерцанием ситуации, их возбуждающей».²⁹

Это значит, когда один человек страдает другому, речь идет о том, что они, если не одинаково, то очень похоже переживают одну и ту же ситуацию. Только один уже находится в этой ситуации и страдает, а другой боится оказаться в такой же ситуации и испытывает тревогу перед вероятной опасностью.

«В несчастье и страданиях другого, — пишет Ницше, — заключается указание и на некоторую опасность для нас».³⁰

И получается, что из-за того же, из-за чего страдающий человек не может помочь сам себе, сострадающий не может помочь тому, кто вызывает его сострадание. Его останавливает тот же страх перед опасной ситуацией, который связывает руки тому, кто в ней оказался.

²⁸ А. Шопенгауэр «Две основные проблемы этики»

²⁹ А. Смит «Теория нравственных чувств»

³⁰ В. Преображенский «Фридрих Ницше, критика морали альтруизма»

Именно это имеет в виду Ницше, когда говорит, что сострадание «парализует человека во все решающие моменты и связывает его готовую к помощи чуткую руку».³¹

Вот почему, сострадание нередко переходит, если не в ненависть, то в раздражение против несчастного. Чужое страдание бросает вызов нашему самолюбию, и если нам не хватает мужества постоять за слабого, нас раздражает, что он впутался в нехорошую историю и, ожидая помощи, втягивает в эту историю и нас.

2.5. Гамильтон

Последнюю попытку объяснить, почему одни люди могут жертвовать собой ради других, предпринял эволюционный генетик Гамильтон.

При всем притом, что эта теория стоит на переднем крае науки, по духу она близка христианской идее нравственности. Расставаясь с жизнью в мире дольном, альтруист Гамильтона приобретает жизнь вечную.

Природе, по теории Гамильтона, нет дела до самих животных. Ведь рано или поздно они все равно умрут.

«Единственный потенциально бессмертный органический субъект – это ген, – пишет Роберт Райт. – Таким образом, вопрос состоит не в том, как путешествуют во времени индивиды. Вопрос в том, как путешествуют во времени гены индивидов».³²

Естественный отбор заботится не о нас, а об информации, которая содержится в наших половых клетках. И как раз поэтому альтруизм Гамильтона распространяется только на родственников. К тому же не на всех одинаково.

Родные братья и сестры по законам генетики имеют половину одинаковых генов. И каждый из них скорее пожертвует собой ради брата или сестры, чем ради своего племянника, дяди или тети, с которыми у него только четверть общих генов.

Двоюродные братья и сестры имеют еще меньше шансов

³¹ В. Преображенский «Фридрих Ницше, критика морали альтруизма»

³² Р. Райт «Моральное животное»

получить от альтруиста бескорыстную помощь. У них одинаковых генов с альтруистом еще меньше.

Самые идеальные альтруисты, по словам Райта, это клетки плесени, потому что они воспроизводятся асексуально, и у двух разных клеток совершенно одинаковые гены.

Вообще говоря, сторонники Гамильтона заходят так далеко, что приписывают склонность жить для других, тварям, которые не подозревают даже о собственном существовании.

Выше человека в этом смысле ставят, например, слизневые грибы. Это одноклеточные организмы, похожие на амёб и обитающие в навозе. Когда наступает голод, сообщают авторы открытия, эти существа сползаются в многоклеточное тело, похожее на гриб. Клетки, образующие ножку, обречены на отмирание. И кому стать ножкой, клетки выбирают сами.

Самоотверженные клетки даже хлопчут о собственных похоронах, чтобы и тут никого не побеспокоить.

«Принимая роковое решение, — рассказывают сторонники Гамильтона, — клетка заблаговременно сама готовит себя к погребению: вызывает «ритуальных агентов»,³³ роль которых исполняют макрофаги или соседние клетки», из тех, что добровольно записались в альтруисты.

Правда, все это фантазии биологов, которые принимают теорию Гамильтона за пятое Евангелие.

Слизневые грибы, это не единственные клетки, которым приходится уступать друг другу место под солнцем. Но происходит это не по их доброй воле.

В каждом организме клеток сначала образуется больше, чем нужно, и часть их обязательно погибает.

У маленького червячка *Caenorhabditis elegans* ровно девятьсот сорок пять клеток. Но первоначально их ровно тысяча семьдесят шесть. Сто тридцать одна клетка обязательно должна погибнуть.

И решение о самоубийстве обреченные клетки принимают не сами. Не по «внутреннему импульсу», как сказал бы Гольбах.

³³ Ю. Лабас, В.Важенина «Природа альтруизма»

«У червяка *Caenorhabditis elegans*, – как выяснили биологи, – судьба клетки определена абсолютно жестко, и поменять эту судьбу у здоровой особи практически невозможно. Есть клетки, которым, можно сказать, на роду написано покончить жизнь самоубийством».³⁴

Когда наступает время, клетка получает «черную метку» – послание о том, «что она должна пожертвовать своей жизнью для благополучия организма».

«Это известие, – пишет Агол, – приходит из окружающей среды, либо от соседних клеток, либо от межклеточных веществ».³⁵

После этого внутриклеточные регуляторы вносят поправки в работу «отдельных генов», клетка разрушается, и на ее обломки набрасываются голодные макрофаги.

Самый любопытный вопрос – как животные, не вооруженные микроскопом, узнают тех, у кого такие же гены, как и у них? Ведь если они не умеют этого делать, то об их заботе о собственных генах не стоит и говорить.

Райт не нашел, что на это сказать и отмахнулся совсем не убедительной фразой.

«Ясно лишь, – бросил он, – что эти механизмы существуют».³⁶

Докинз утверждает, что отличать свои гены от чужих умеют кайры. В отличие, например, от домашних кур, которые прямо вопиют против Гамильтона, кайры никогда не станут сидеть на чужих яйцах.

Но это совсем не так.

На острове Святой Ионы и на Чукотке орнитологи проводили с кайрами специальные эксперименты. Сначала они выясняли, способна ли птица узнавать собственное яйцо. Ей на участок клали два яйца – одно, понятно, было чужое – и птица всегда садилась только на свое.

³⁴ В. Агол «Самопожертвование клетки»

³⁵ В. Агол «Самопожертвование клетки»

³⁶ Р. Райт «Моральное животное»

После этого на участок кайре подкладывали чужое яйцо, а родное перекладывали на чужой участок. На этот раз птица, не задумываясь, усаживалась высидывать чужие гены. Точно так же чужого птенца она принимала за своего, если подкидыш оказывался на ее территории, а родного куда-нибудь прятали.

Эти опыты показывают, что кайре, как и домашней птице, совершенно безразлично, чьи яйца она высидывает и чьих птенцов защищает, и чьи гены будут путешествовать во времени.

Биологам известно, что у некоторых животных есть так называемые добровольные помощники. Это, как правило, близкие родственники, которые помогают родителям выхаживать потомство.

Такая особенность есть, например, у гиеновых собак.

Лавик-Гудолл, который изучал жизнь гиеновых собак в дикой природе, рассказывает, что самка долгое время остается со своим пометом в логове, и не может охотиться вместе со всеми. И тогда другие собаки, возвращаясь с охоты, отрывали ей часть добычи.

Если они таким образом заботились о «путешествии своих генов во времени», то родная мать должна была делать то же самое с еще большим энтузиазмом.

Однако когда собаки перестали отрывать ей мясо, она стала отбирать его у своих щенят, и за это ей то и дело влетало от собак, которые были с малышами не в таком близком родстве, как она.

Теория Гамильтона обладает одним удивительным свойством. При том, что нет ни одного убедительного факта, который бы ее подтверждал, к ней относятся с таким же доверием, с каким христиане относятся к Евангелию от Луки.

3. Что такое нравственное поведение

Моралисты не ошибаются только в том, что нравственные поступки имеют какие-то выгодные последствия для других людей. И из этого факта они делают вывод, что эта выгода для других и есть цель нравственного поступка, и что,

следовательно, жить нравственно, это – жить для других.

Однако вопреки этому утверждению, нравственным всегда и везде считался не тот, кто живет для других, а тот, кто заботится о собственной чести и достоинстве, хотя такие люди живут для себя, а не для других.

И в этом нет ничего эгоистичного. Ведь эгоизм, это не просто забота о себе, это такая забота о себе, «когда удовлетворение личного интереса происходит в ущерб интересу другого человека».³⁷ И эгоизм, стало быть, проявляется не в том, что человек не хочет служить другим, а в том, что он хочет, чтобы другие были у него на службе.

Эмпирическая этика, открытая человеком,³⁸ ставит в пример человека, «защищающего свою честь, честь слабых, честь своей семьи, честь своей родины», человека, который проявляет «мужественное отношение к жизни и бесстрашие перед смертью», «готовность всегда поставить честь и верность выше жизни».³⁹

Эта этика «полагает, что лучше обидеть, чем быть обиженным, что лучше нанести оскорбление, чем потерпеть оскорбление».⁴⁰

«Не становитесь холопом человека, – учит Кант. – Не допускайте безнаказанного попрания ваших прав другими. Склонять колени или падать ниц, даже с целью показать свое преклонение перед небесными силами, противно человеческому достоинству. А кто превратил себя в червя, пусть потом не жалуется, что его топчут ногами».⁴¹

И нравственность в этой эмпирической этике противопоставлена не эгоизму, а безнравственности.

3.1. Свойства нравственного поведения

Нравственный человек защищается только тогда, когда

³⁷ Р. Апресян, «Новый философский словарь»

³⁸ Н.Бердяев «О назначении человека»

³⁹ Н.Бердяев «О назначении человека»

⁴⁰ Н.Бердяев «О назначении человека»

⁴¹ И. Кант «Метафизика нравов»

кто-то угрожает его чести и достоинству. Он бросается в драку, вызывает на дуэль или объявляет войну.

Нравственный человек испытывает страх потерять честь и достоинство.

Вот, что ожидает оскорбленного человека, если он «восстаивая против законов чести, сам подписывает приговор о своем унижении».⁴²

Против человека оскорбленного, пишет Бентам, поднимается все общество. Вместо того чтобы «почувствовать негодование к оскорбителю», общественное мнение становится на его сторону и выказывает несчастному презрение «более горькое, чем сама смерть».

Общество «наперебой бросается на невинного», «как злая собака, которая ждет только жеста своего господина, чтобы разорвать подходящего человека». Оскорбитель «только указал добычу», окружающие люди «разрывают ее; он повелевает казнь, они делаются палачами».⁴³

«Человек, — пишет Бентам, — которого считают обыкновенно виновным, наносит только легкую рану, которая скоро закроется, будучи предоставлена самой себе. Но другие люди, вливая в нее свой яд, делают из нее опасную и часто неизлечимую язву».⁴⁴

Бывают, конечно, и сумасшедшие, которые видят опасность там, где ее нет, и ведут себя так, как человек, которому опасность действительно угрожает. Еще хуже, когда, например, дуэль становится своего рода развлечением.

Рассказывают, один рыцарь объявил себя страстным почитателем Вергилия, и вызывал на поединок, всех, кто не признавал автора «Энеиды» «первым поэтом всех времен и народов».

Восемь поклонников Гомера, Овидия и Горация умерли на дуэлях один за другим.

Наконец объявился противник, который зачитывался Ти-

⁴² И. Бентам «Основные начала уголовного кодекса»

⁴³ И. Бентам «Основные начала уголовного кодекса»

⁴⁴ И. Бентам «Основные начала уголовного кодекса»

буллом, и смертельно ранил почитателя Вергилия. А перед смертью на исповеди зачинщик этих абсурдных поединков признался духовнику, что никогда не читал Вергилия.

Это, конечно, нелепый и исключительный случай. Исключительность его состоит в том, что рыцарь провоцирует соперника на поединок.

По правилам, сигнал для нравственного поступка всегда исходит от того, кого вызывают на борьбу.

У животных такие сигналы называются релизерами.

Человек тоже реагирует на релизеры. Это может быть, например, оскорбительное поведение другого человека.

Все известные кодексы чести требуют нападать только на равных. Осовская называет несколько причин, почему, например, идеальный рыцарь не нападал на слабого. В том числе она говорит, что этого не позволяет делать чувство собственного достоинства.

Дело в том, что слабый противник не представляет для сильного человека никакой опасности. И напасть на слабого, значит, обнаружить свою трусость, и поставить себя ниже слабого соперника.

По этой же причине австралийские племена довооружали противника, прежде чем начать против него военные действия. А на Кавказе, если один из противников терял под собой лошадь, другой тоже спешился.

Нравственный человек не пользуется и случайными преимуществами.

По законам Ману добродетельный воин не поражает врагов вероломным оружием – ни зубчатым, ни отравленным, ни раскаленным на огне. Он не убивает спящего, раненого, не надевшего доспехи, безоружного, устрешенного и отступающего.

Адыгский просветитель Атажукин⁴⁵ записал рассказ о семейной драме одного князя.

Князь узнал «о любовной связи своей жены с его подвласт-

⁴⁵ По А. Мирзоеву. «Право войны» и некоторые аспекты традиционной военной культуры адыгов (черкесов)»

ным табунщиком», и решил обоих наказать. Тогда другой князь, сказал, что наказать должно жену, и «решительно отверг, чтобы любовнику ее было сделано какое бы то ни было насилие». Это могло означать, что князя может оскорбить человек «такого низкого происхождения».

В конце девятнадцатого века русский государь Александр III официально разрешил поединки среди военных. Стреляться или мириться, решал суд общества офицеров.

В «Правилах» Александра III, был пункт, обязывающий офицера, который отказался от дуэли в течение двух недель подать прошение об увольнении в отставку. В противном случае он подлежал увольнению без прошения.

Известен случай, когда офицер отказался стреляться по решению суда и уволился со службы не потому, что поступился честью, а для того, чтобы сохранить честь.

Случай этот произошел в Керчи. Два товарища – офицер и штатский – поссорились «из-за стульев подле оркестра».

Штатский назвал офицера невежей, и после этого суд потребовал, чтобы офицер вызвал обидчика на дуэль. Но офицер заявил, что не может вызвать на дуэль человека, который не владеет оружием, и предпочел перечеркнуть «свою военную карьеру, нежели участвовать в узаконенном убийстве».⁴⁶

Нравственные люди ставят противника в известность о своих намерениях. Эта открытость намерений – самый важный признак нравственного поступка. И поэтому безнравственными считаются люди, которые добиваются своих целей скрытно и коварно, хотя у них может быть справедливый повод для мести.

Флавий, например, говорит о Корее, как о человеке безнравственном, потому что тот, не довольный, что Моисей назначил первосвященником своего родственника Аарона, вел среди народа «тайную агитацию» против Патриарха. Хотя Флавий и признает, что претензии Корея были «по-видимому, справедливы».⁴⁷

⁴⁶ В. Петров «Русская дуэль»

⁴⁷ И. Флавий «Иудейские древности»

И Саллюстий говорит, что доблестный добивается славы, почестей и власти по правильному пути, а малодушный «не имея благих качеств, действует хитростью и ложью».⁴⁸ Поэтому про одного говорят, что он человек нравственный, про другого – безнравственный, хотя оба они заботятся только о себе.

Нравственный человек, которого оскорбили, делает своему оскорбителю вызов на дуэль. Кровомститель «не только не скрывал своих намерений, но сам предупреждал врага: «Будь готов, я тебя преследую!». А, встретив кровника, объявлял ему, что исполняет свой долг».⁴⁹

Войну принято начинать с ее объявления. В древности противнику отправляли, как говорят ученые люди, коммуникативно-значимый предмет: сломанную стрелу или сломанные меч, или втыкали стрелу с лентой у наконечника на территории врага, что было знаком объявления войны.

Сегодня такого извещения требует международное право. Война должна начинаться с «предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны».⁵⁰

Наконец, нравственный человек реагирует на приемы умиротворения. Извинения противника могут предотвратить нравственный поступок.

Всеми этими свойствами обладает и агрессия, и это говорит о том, что нравственное поведение, есть ни что иное, как поведение агрессивное.

Рейфман прямо так и говорит: «дуэль – тип агрессивного поведения», который служил сначала дворянам, а потом и представителям других сословий «для защиты их личного пространства».⁵¹

⁴⁸ Гай Саллюстий Крисп «О заговоре Катилины»

⁴⁹ А. Мирзоев. «Право войны» и некоторые аспекты традиционной военной культуры адыгов (черкесов)»

⁵⁰ Конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 года

⁵¹ И. Рейфман «Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе».

Вот, между прочим, почему естественный отбор не уничтожил нравственность. Она не только не противоречит эволюционной теории Дарвина, но сама выступает, как движущая сила естественного отбора.

3.2. Агрессия

Я думаю, это какая-то начальная, полезная форма агрессии. И она, если конфликт не исчерпан, не исчезает бесследно. Под давлением обстоятельств агрессия, может принимать другие формы, те, которые Фромм называет деструктивными.

Эти деструктивные формы появляются тогда, когда человек подавляет в себе агрессию.

К чему это приводит, подробно рассказывают, например, Риман и Хорни.

Риман показывает, как, подавляя в себе агрессию, «появляются фанатики – неумолимые, бескомпромиссные и беспощадные в своей борьбе в любых областях, будь то гигиенические требования, подавление инстинктов, соблюдение морали или религиозность».⁵²

У других подавленная агрессия превращается в чрезмерную корректность «доходящую до степени садизма». У третьих в хитрость и трусливую угодливость. У четвертых в «вязкость, топтание на месте, обстоятельность и нерешительность, из-за которых страдает и находится под постоянным гнетом их окружение».⁵³

По Хорни, вытесненная враждебность «порождает чувство беззащитности, или, чтобы быть точным, оно усиливает уже имеющееся чувство беспомощности».⁵⁴

Человек находит три способа борьбы с этой тревожностью. Он ищет чужое покровительство и любовь, он начинает проявлять склонность к властвованию или к накоплению богатства.

В каждом случае речь идет о формах агрессии.

⁵² Ф. Риман «Основные формы страха»

⁵³ Это только некоторые формы проявления, описанные Фрицем Риманом.

⁵⁴ К. Хорни «Невротическая личность нашего времени»

Так люди, страдающие невротической потребностью в любви, мучают своих покровителей.

«Требование абсолютной любви, – пишет Хорни, – включает в себя желание принимать жертвы в качестве доказательства чьей-либо любви. Такое требование включает, например, ожидание полного самоотречения».⁵⁵

Такие люди могут прибегать и к радикальным средствам. Они могут причинять себе какой-нибудь вред и даже угрожать самоубийством, заставляя страдать и мучаться человека из-за перспективы стать виновником его несчастья или смерти.

Те, кто страдает невротической потребностью во власти, всегда доказывают свою правоту, даже по пустячному поводу. Они всегда все знают лучше других и вовлекают окружающих в неприятные споры по любому поводу. Они настаивают, чтобы все делалось так, как они считают нужным, и раздражаются, когда окружающие делают что-нибудь по-своему.⁵⁶

У людей, склонных к невротической потребности в престиже, враждебность может принимать форму желания унижать других. Обычно это проявляется в том, что невротик заставляет себя ждать, пренебрежительно относиться к людям, намеренно ставить других в неловкие ситуации.

В собственнических тенденциях враждебность может проявляться в желании обманывать, обворовывать или эксплуатировать других людей.

«Даже если обман или кража дают мизерное преимущество, – пишет Хорни, – невротик приходит в хорошее расположение духа».⁵⁷

Вот некоторые из тех форм агрессивного поведения, которые создают агрессии репутацию зла. И они возникают не из следования агрессивным побуждениям, а из отказа от этих побуждений.

Подавление, а не проявление агрессивности – вот самое

⁵⁵ К. Хорни «Невротическая личность нашего времени»

⁵⁶ К. Хорни «Невротическая личность нашего времени»

⁵⁷ К. Хорни «Невротическая личность нашего времени»

страшное, что может быть в человеке.

Психологи, которые исследовали личность Дамера,⁵⁸ охарактеризовали ее, как «манипулируемую, ригидную и уклоняющуюся».

Уклоняющаяся личность в российской психиатрии называется тормозимой или астенической. Астеники отличаются тем, что невысоко оценивают себя и отмалчиваются, чтобы не спорить с людьми. Сталкиваясь с трудностями, они всегда уступают, не ввязываются в борьбу, не проявляют, одним словом агрессивности.

Ахмедшин пишет, что следователи с трудом раскрывают преступления, совершенные маньяками, и говорит, что их нельзя обвинить в том, что они плохо работают.

«Действительно, – рассуждает Ахмедшин, – как можно заподозрить в убийствах человека, если он абсолютно всеми окружающими воспринимается положительно».⁵⁹

Этот положительный имидж серийных убийц до сих пор считается загадочным феноменом, и в специальной литературе получил название «маски нормальности».

«Как правило, – пишет Николай Нарицын, – любой маньяк – наиболее униженный член в обществе, последний на иерархической лестнице, но не столько бывший таким в детстве, сколько оставшийся таковым в нынешней своей взрослой жизни».⁶⁰

Нарицын характеризуют маньяков, как людей тихих, которые не обидят и мухи.

«Именно потому, что тихий, – пишет Нарицын, – он не отстаивает свои права, не борется за место под солнцем, никому не перечит».⁶¹

Что касается начальной формы агрессии, то все, или, во всяком случае, многие, согласны, что «эта сила предназначена

⁵⁸ Джеффри Дамер – серийный убийца.

⁵⁹ Р. Ахмедшин «О природе «маски нормальности» серийных убийц»

⁶⁰ Н. Нарицын – психотерапевт единого реестра Европейской Ассоциации Психотерапевтов.

⁶¹ Н. Нарицын «Серийные убийцы и их жертвы»

к добру».⁶² И, что именно на этой грубой ветви природа вырастила «цветы личной дружбы и любви».⁶³

Что говорить про Лоренца, если даже Иоанн Златоуст не осуждает гнев огульно, потому что и Иисус не против гнева вообще, а против гнева напрасного.

«Всякий, – говорит Иисус, – гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду».⁶⁴

«Этимися словами, – пишет Златоуст, – Он не устраняет гнев совершенно: во-первых, потому, что человек не может быть свободен от страстей; во-вторых, потому, что страсть гнева может быть и полезна, если только мы умеем пользоваться ею в надлежащее время».⁶⁵

Когда же, спрашивает Златоуст, бывает приличное время для гнева?

«Тогда, – говорит, – когда мы не за себя самих отмщаем, но обуздываем дерзких».⁶⁶

Гнев находится в человеке не без цели, а для того «чтобы наказывать злых и исправлять беспорядочно ведущих себя».

Василий Великий называет агрессивность раздражительностью, и тоже неплохо о ней отзываясь.

«Раздражительность, – говорит он, – есть душевный нерв, сообщающий душе силы к прекрасным предприятиям».⁶⁷

3.3. Злой нравственный человек

Я не думаю, что заявление об органическом единстве нравственности и агрессии для кого-то совсем уж полная неожиданность.

Например, американские психологи Креч, Кратчфилд и Ливсон не утверждают, что агрессия – это противоположность нравственности, как вообще принято думать. Они, хоть и счита-

⁶² К. Лоренц «Агрессия»

⁶³ К. Лоренц «Агрессия»

⁶⁴ И. Златоуст «Толкование на святого Матфея евангелиста»

⁶⁵ И. Златоуст «Толкование на святого Матфея евангелиста»

⁶⁶ И. Златоуст «Толкование на святого Матфея евангелиста»

⁶⁷ Святитель Василий Великий «Беседа 10. На гневливых»

ют что «в большинстве случаев агрессия аморальна», но обращают внимание на то, что «некоторые формы агрессии обычно не рассматриваются как аморальные».⁶⁸

Другими словами, они признают, что бывают агрессивные поступки, которые считаются нравственными. Иначе как понимать то, что они не аморальные?

Но этической философии трудно допустить, что за именем нравственности скрывается агрессия. И не потому, что это противоречит фактам, а потому, что это противоречит ее представлениям о нравственности. Ведь согласно господствующему убеждению в философии, нравственность, это олицетворение добра, а не зла.

Но люди почему-то относятся к нравственности совсем не так, как предписывает моральная философия. Они относятся к безнравственному, если не как к доброму, то, как к незлому, а к нравственному скорее, как к злому, чем, как к доброму.

Вот, что, например, Гиро рассказывает про Регула, который был доносчиком в правление Нерона и Домициана.

Не брезгуя ничем, этот человек заработал шестьдесят миллионов сестерций.

«Последняя его мечта, – пишет Гиро, – была особенно удивительной: ровно ничего не сделав для того, чтобы заслужить уважение, он тем не менее хотел быть уважаемым. И он добился этого, пугая своим влиянием тех, кого не мог ослепить своим богатством».⁶⁹

Все ненавидели Регула; знали, что он наглый в счастье, трусливый в опасности; знали, что он «самый отвратительный из всех двуногих», и, тем не менее, каждое утро у него в передней толпился народ. Плиний с возмущением писал, что «в самую дурную погоду шли на поклон к Регулу в его прекрасные сады на берегах Тибра».⁷⁰

⁶⁸ Д. Креч, Р. Кратчфилд, И. Ливсон «Нравственность, агрессия, справедливость. Элементы психологии»

⁶⁹ Поль Гиро «Частная и общественная жизнь римлян»

⁷⁰ Поль Гиро «Частная и общественная жизнь римлян»

Этот негодяй благополучно дожил до Траяна и сохранил внешние признаки уважения.

Я, между прочим, не думаю, что это были только внешние признаки уважения, и не думаю, что все заодно с Плинием ненавидели этого человека. Я даже думаю, что они любили Регула какой-то снисходительной родительской любовью.

И эти же люди не удостоили своей любовью, обоих Катонов, которые прославились своей безупречной нравственностью.

Катон Старший, нравственно-безупречный человек и заноза римского общества, нажил столько врагов, что его сорок четыре раза привлекали к суду.

Катон Младший, по словам Плутарха, был настолько нравственным человеком, что огорчал даже своих приверженцев.

«Чем яснее постигали они благородство его поступков, – пишет он, – тем горше становилось им при мысли, что подражать Катону они не в силах».⁷¹

Саллюстий говорит, что у него была такая же слава, как у Цезаря.

Цезаря Саллюстий превозносит за милосердие. Катона хвалит за строгость. Цезарь был «прибежищем для несчастных», Катон – «погибелью для дурных».⁷²

И что же?

Этот глубоко порядочный человек покончил жизнь самоубийством. По словам Сенеки, достав из-под изголовья меч, «не запятнанный кровью», Катон, кроме прочего, сказал, что «коль скоро так плачевны дела человеческого рода, Катону пора уходить в безопасное место».⁷³

Правда, Сенека лично не присутствовал при самоубийстве Катона, но, я думаю, он хорошо знал, что должен был сказать перед смертью человек, который всю жизнь боролся за торжество нравственности.

И в этой, если не любви, то снисходительности к низкому

⁷¹ Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

⁷² Гай Саллюстий Крисп «О заговоре Катилины»

⁷³ Л. Сенека «Нравственные письма к Луцилию»

и, если не ненависти, то раздражении к высокому, есть что-то очень важное для этики. И это важное состоит в том, что человек нравственный, это человек злой, в обиходном смысле этого слова.

Священник Яков Кротов вспоминает по этому поводу молитву одной английской девочки. Она просила у Бога сделать плохих людей хорошими, а хороших – приятными. Можно сказать, что она просила сделать хороших добрыми, потому что английское *nice* переводится, и как приятный, и как добрый.

И Кротов справедливо считает, что девочка была права, потому что на земле слишком много высоконравственных людей, рядом с которыми невозможно жить.

Такого безупречно нравственного и неисправимо злого человека показывает, например, Грибоедов в своем «Горе от ума».

Противоположность Чацкого – покойный Максим Петрович. Когда нужно было «подслужиться, он сгибался в перегиб».

Однажды на приеме во дворце «ему случилось обступиться». Он упал, да так, «чуть затылка не пришиб».

Старик заохал, но «был высочайшею пожалован улыбкой». Он привстал, оправился, хотел отдать поклон и «упал вдругорядь – уж нарочно». Расхохотались еще пуще. Он тогда упал и в третий раз.

Фамусов говорит, этот Максим Петрович был смышлен, поэтому не «на серебре, на золоте едал». Сто человек имел к услугам, был весь в орденах, и езжал-то вечно цугом.⁷⁴

Чацкий, пожалуй, не стал бы дерзить государыне, но и не стал бы нарочно вдругорядь рисковать своим затылком.

Чацкий не умеет «явиться помолчать, пошаркать, пообедать, подставить стул, поднять платок». Он не показывал спеси – хотелось бы надеяться – перед теми, кто лежит в пыли, и не плел лесть, как кружево, тем, кто выше.

Чацкий встречается с Софьей и с порога показывает свою озлобленность на людей, которые ее окружают.

⁷⁴ Цуг – богатый выезд, в котором лошади запряжены гуськом.

*«Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг».*

Особенно, конечно, Софью задевает, когда Чацкий унижает Молчалина, в которого она влюблена.

*«А, впрочем, – говорит Чацкий о Молчалине, – он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят бессловесных».*

Софья говорит о Чацком:

«Не человек, змея!»

И спрашивает:

*«Случалось ли, чтоб вы, смеясь, или в печали,
Ошибкою добро о ком-нибудь сказали?»*

Вот еще характеристики, которые Софья дает Чацкому: «Грозный взгляд и резкий тон», «желчь на всех излить готов», не воздержан на язык, от него «смирнейшему пощады нет», он «унизить рад, кольнуть».

Поэтому Софья находит человеческий идеал не в Чацком, а в Молчалине. И этот идеал нравится не только Софье. Он нравится всем без исключения. Этот идеальный человек «уступчив, скромн, тих, чужих и вкривь и вкось не рубит».

Владимир Соловьев рассказывает случай, когда толпа избила и покалечила женщину, подозреваемую «в наведении болезни на мальчика посредством заколдованного яблока».

«Эти люди, – пишет Соловьев, – действовали без всяких корыстных целей. У них не было никакой личной вражды к этой женщине и никакого личного интереса в ее избиении. Единственным их побуждением было сознание, что такое вопиющее злодеяние, как отравление невинного младенца посредством колдовства, должно получить справедливое возмездие».⁷⁵

Соловьев – и каждый с этим согласится – пишет, что у этого дела нельзя отнять формально-нравственного характера. Но этот факт показывает, что «по чисто нравственным по-

⁷⁵ Вл. Соловьев «Оправдание добра (Нравственная философия)»

буждениям» могут совершаться «возмутительные злодеяния».

Я думаю, ближе всех к истине стоит Поппер, который говорит, что человек плох, потому что он слишком хорош.

«Основные беды нашего времени, – пишет он в своих «Предположениях», – обусловлены не нашей моральной испорченностью, а, напротив, нашим часто ошибочным нравственным воодушевлением».⁷⁶

Если война, кровная месть и дуэль, это самое полное воплощение зла, то это зло творят люди с обостренным нравственным чувством.

3.4. Представления об агрессии и нравственность

Большинство современных знатоков человеческой души говорят, что агрессия, это преднамеренное поведение, которое противоречит «нормам и правилам поведения людей» и наносит людям «физический ущерб» или «психологический дискомфорт».⁷⁷

«Многие люди, в том числе и ученые, занятые исследованием поведения, – пишет Изард, – склонны рассматривать эмоцию гнева скорее как досадную помеху в поведении, нежели признать ее позитивное значение. За исключением редких случаев, нападение одного человека на другого почти всегда трактуется как нарушение юридического и этического кодексов».⁷⁸

Для такого отношения к агрессивности, находят подходящие основания. По подсчетам, которые сделал Ричардсон, за сто двадцать шесть лет между 1820 и 1945 годами во время различных стычек, ссор и конфликтов каждые шестьдесят восемь секунд человек убивал одного из своих братьев. Количество убитых за это время составило 59000000 человек.

Как тут не вспомнить Тинбергена, который «пришел к заключению», что человека можно характеризовать, как «закоренелого убийцу»?

⁷⁶ Поппер К. «Предположения и опровержения: рост научного знания»

⁷⁷ Бэрон и Ричардсон «Агрессия»

⁷⁸ Кэррол Э. Изард «Психология эмоций»

И эти факты только подтверждают агрессивную природу нравственности. Ведь этическое сознание не знает ценности человеческой жизни. Оно, конечно, не разрешает убийство. Оно не взыскивает, если убийство совершено по нравственным мотивам.

У скандинавов эпохи саг правое и неправое убийство называлось разными словами, что уже само по себе показывает не одинаковое отношение к убийству.

Слово *víg*, которым в скандинавских сагах обозначали убийство по праву кровной мести, то есть по соображениям нравственного долга, «подразумевало не всякое убийство, а только убийство в бою или открытое убийство».⁷⁹ Это же слово переводится на русский, как бой или битва.

Неправое убийство обозначалось словом *morgr*. И тот, кто совершил *morgr*, объявлялся вне закона.

«Словом *mord*, – пишет Стеблин-Каменский, – называлось также убийство спящего, убийство ночью и вообще убийство, совершенное неподобающим образом».⁸⁰

Это, конечно, не значит, что в природе человека заложена жажда убивать, как думает, например Шопенгауэр, который считал, что «иной человек был бы в состоянии убить другого, чтобы его жиром смазать себе сапоги».⁸¹

Да, народ ликовал, когда на плахе резали на куски закоренелых злодеев, но совсем не потому, что ему нравилось смотреть на то, как убивают человека. Он ликовал от сознания, что на свете есть правда, справедливость и возмездие.

В то же время, публичные казни нередко заканчивались бунтами против палачей и суверена, когда народ подозревал, что против преступника выдвинули несправедливое обвинение или убийство на эшафоте совершается не так, как предусматривают нравственные понятия.

Устроителям публичных казней приходилось принимать

⁷⁹ М. Стеблин-Каменский. «Мир саги. Становление литературы»

⁸⁰ М. Стеблин-Каменский. «Мир саги. Становление литературы»

⁸¹ А. Шопенгауэр «Две основные проблемы этики»

меры «неприятные для народа», и предосторожности, «унизительные для властей».⁸²

«Препятствовать казни, расцениваемой как несправедливая, – пишет Фуко, – вырвать осужденного из рук палача, добиться помилования силой, даже преследовать палачей и нападать на них и, конечно, проклинать судей и роптать против приговора – все это входит в число действий народа, которые вклиниваются в ритуал публичной казни».⁸³

Такие беспорядки обычно начинались, когда казнили бунтовщиков.

Но нередко народ возмущался и жестокостью, не предусмотренной правилами казни.

Фуко рассказывает, как во время казни убийцы – убийцы! – по имени Пьер дю Фор, палач никак не мог его повесить, и стал бить под колени и в живот. Тогда толпа стала забрасывать эшафот камнями. Потом палача схватили, избили и утопили в ручье.

Другие сняли с виселицы убийцу, привели к архиепископу, который его помиловал и приказал отправить в больницу, попросив, чтобы о нем как следует позаботились.

Тем временем для Пьера дю Фор заказали новую одежду, две пары чулок и туфли. Вдобавок он получил в подарок несколько рубашек, шаровары и перчатки с париком.

Оправданием убийства, совершенного по нравственным мотивам и правилам, служит то, что в отличие от простого убийцы нравственный человек идет на войну, на месть и дуэль «не только убивать, но и умирать и всегда рискует своей жизнью», и поэтому Бердяев говорит, что «война и дуэль не есть убийство».⁸⁴

Тот же Бердяев пишет о любви европейцев и американцев смотреть на смертную казнь, как о зловещем нравственном показателе.

⁸² М. Фуко «Надзирать и наказывать»

⁸³ М. Фуко «Надзирать и наказывать»

⁸⁴ Н. Бердяев «О назначении человека»

Он, я так понимаю, хочет сказать, что смотреть на смертную казнь противно истинной нравственности. Но нравственности, это как раз свойственно. И тем, что в некоторых странах и местах удалось отменить смертную казнь и смягчить уголовные законы, человечество обязано не нравственному сознанию, а правовому.

3.5. Этика и право

Многие говорят, что нравственность имеет одну природу с правом, что право и нравственность выполняют одну функцию – обуздывают произвол человеческих страстей, вносят мир и порядок во взаимные отношения людей.⁸⁵

Кестлин, например, пишет, что право, это форма нравственного, и то, «что в субъективной форме есть нравственность, то в объективной – право».⁸⁶

Соловьев думает, что право это «минимум нравственности, равно для всех обязательный». У него юридический закон дополняет нравственность, «так как одним словесным убеждением, очевидно нельзя сразу прекратить все убийства, обманы и т.д.».⁸⁷

Так же считает и Олесницкий.⁸⁸

Одной любви к ближнему для обуздания человеческих страстей не всегда бывает достаточно, пишет профессор богословия, потому что «в лицах, находящихся на низших степенях совершенства» любовь далеко не полная. И «нам, – пишет он, – часто приходится побуждать себя к нравственной жизни иными мотивами, действующими на нас принудительно».⁸⁹

Эта идея, конечно, не Олесницкому первому пришла в голову. Еще Златоуст говорил, что «на людей грубых больше действует то, что находится перед их глазами».⁹⁰ А до Златоуста

⁸⁵ П. Новгородцева «Нравственность как идейное основание философии права»

⁸⁶ Н. Таганцев «Уголовное право»

⁸⁷ В. Соловьев «Право и нравственность»

⁸⁸ Доктор богословия и профессор

⁸⁹ **М. Олесницкий** «Нравственное Богословие»

⁹⁰ И. Златоуст «Толкование на святого Матфея евангелиста» .

Павел писал, что человек, который «не напрасно носит меч», не препятствует христианину, но еще и содействует, «делает добродетель более достижимой».⁹¹

Это, между прочим, показывает, что моралисты и палачи работают по одному и тому же кодексу, и палачи полезней для общества, чем моралисты, что на самом деле так и есть.

Моше Зильберг⁹² пишет, что нравственность и право неразделимы и «соотносятся между собой, как огонь и охваченный им уголь».⁹³ Или вот еще та же его мысль, только на примере воды: этика и закон – это два круга, и в идеале оба эти круга должны покрыть друг друга, «как воды покрывают морское дно».

Образ двух кругов, это расхожий юридический штамп, которым правоведы пользуются всегда, когда рассуждают о взаимоотношениях этики и права.

Однако, всем правоведам и моралистам хорошо известно, что море, про которое говорит Зильберг, почему-то не всегда покрывает собственное дно. И всего хуже то, что «с точки зрения нравственности могут быть извиняемы даже такие поступки, для коих право не знает никаких оправданий».⁹⁴

Собственно говоря, правоведы и моралисты свои выводы о коренной внутренней связи нравственности и права делают на том основании, что правовая и нравственная оценка поступков совпадают ИНОГДА.

Однако это происходит совсем не потому, что нравственность и право имеют общую природу и выполняют одинаковые функции, а потому что этика оценивает преступление, как и любой другой поступок. Преступный поступок может быть безнравственным, и тогда круги совпадают. Он может быть нравственным, и уже никакого сходства между правом и нравственностью обнаружить не удастся.

91 И. Златоуст «На послание к римлянам»

92 Еврейский судья и профессор Иерусалимского университета

93 М. Зильберг «Закон и этика»

94 Н. Таганцев «Уголовное право»

Бернер говорит, что «преступление, есть вид безнравственного», и, стало быть, любое преступление должно считать безнравственным поступком.

«Если бы, – пишет он, – законодательство угрожало наказанием за истинно нравственное деяние, то это было бы ниспровержением самой идеи преступления».⁹⁵

Но нравственная оценка поступка не ставит под сомнение его правовую оценку. Идея преступления состоит не в том, что подтолкнуло человека на преступление, и каким образом он его совершил, а в том, что человек, не важно почему, совершил поступок, запрещенный законом.

Нравственность не только не имеет никакой внутренней связи с правом, но и сама не так уж и редко вступает с ним в противоречие.

При том, например, что убийства на дуэли законодатели по логике правового сознания, нередко считали убийствами в буквальном смысле этого слова, этическое сознание всегда протестовало против такого смешивания заурядных убийц и поединщиков.

Во Франции эпохи империи «магистратура, – пишет Таганцев, – считала убийство на дуэли одним из видов лишения жизни, хотя нельзя не прибавить, что обыкновенно обвинение этого рода влекло за собой оправдательный приговор присяжных».⁹⁶

Точно так же и в Англии восемнадцатого-девятнадцатого веков, пишет Ирина Рейфман, несмотря на то, что закон приравнивал дуэль со смертельным исходом к обыкновенному убийству, присяжные отказывались признавать дуэлянтов виновными в убийстве, за исключением тех случаев, когда дуэль признавалась нечестной.

И так думали и думают все.

Людовик XIII издавал специальный эдикт против дуэлей. Но этот эдикт был направлен не столько против тех, кто дрался на поединках, сколько против тех, кто «имеет честь быть при-

⁹⁵ Н.Таганцев «Уголовное право»

⁹⁶ Н.Таганцев «Уголовное право»

ближенным короля, и докучает его величеству просьбами о помиловании дуэлянтов».⁹⁷

О снисхождении к дуэлянтам Людовика просила даже «дорогая и возлюбленная сестра», королева Великобритании.

Этим эдиктом Людовик хотел «воспрепятствовать вольности и исполнению всех просьб и ходатайств, которые могут быть к нам обращены для освобождения виновных от заслуженного наказания».

Нравственными поступками считаются некоторые преступления, направленные на изменение общественного строя, то есть, государственные преступления.

О том, что некоторые⁹⁸ государственные преступления могут носить нравственный характер русская публика убедилась, например, во время процесса над так называемыми нечаявцами.

Нечаевцы хотели изменить общественный строй в России и построить государство социальной справедливости.

«Мы вступившие в нечаевскую организацию, – писал член этой организации Кузнецов, – были с большим уклоном в область социалистических мечтаний и альтруистических побуждений».⁹⁹

И во время процесса все понимали особенный характер преступления студентов Лесной Академии.

Даже государь не был уверен, что общественное мнение будет на его стороне, хотя управляющий министерством юстиции Эссен возлагал на гласность радужные надежды. «Полная гласность, – писал он царю, – будет иметь, по моему глубокому убеждению, самое благотворительное влияние на присутствующую публику».

Государь подчеркнул слова «самое благотворительное влияние» и на полях написал: «Дай, Бог!»¹⁰⁰

⁹⁷ Людовик XIII «Эдикт против дуэлей»

⁹⁸ К ним не относятся, например, шпионаж или терроризм.

⁹⁹ «Нечаев Сергей Геннадьевич». Хронос

¹⁰⁰ «Неизвестный автор «Дело нечаевцев»

Судья Любимов вынес несколько оправдательных приговоров, и заявил, что отныне место оправданных «не на позорной скамье, а среди публики, среди всех нас».

У охраны было впечатление, что не только защита, но и обвинение на стороне обвиняемых.

У агента третьего отделения Арсеньева сложилось мнение, что прокурор в своей обвинительной речи допускал поэтическую обрисовку обвиняемых, чтобы возбудить к ним сочувствие. А по донесениям жандармов, публика в зале суда сочувствовала подсудимым.

Подсудимые выражали свой взгляд «на существующий порядок, на его ненормальность, на необходимость иного, лучшего устройства общества», хотели «улучшения народного благосостояния». И ради этого, говорил подсудимый Петр Успенский, никто «никогда и не задумался бы пожертвовать своей жизнью».

Особенно сильное впечатление произвела подсудимая Дементьева, которая указала «на бесправие женщин как на фактор, непрестанно вооружающий их против правительства».

Суд оправдал Дементьеву, и восхищенная общественность даже объявила подписку на приданное для юной революционерки. Известно так же, что Орлов, который после суда отправился на поезде в Петергоф, «удостоился восторженных оваций». А Флоринский получил приглашение на должность народного учителя сразу в пять школ.

Историки пишут, что нечаевцы на процессе «сильно пошатнули» представление, что они головорезы, для «которых нет ничего святого».

Этика и право, это две совершенно разные сферы человеческих отношений. И главное их отличие друг от друга состоит в том, что право отражает равенство людей перед законом, этика – их естественное неравенство.

4. АЛЬТРУИЗМ

4.1. Территориальный альтруизм

Как образец альтруизма в первую очередь приводят материнскую заботу о своих малышах.

Эфроимсон даже утверждает, что в природе первоначально не было ничего похожего на самопожертвование, кроме самопожертвования материнского. И именно из этой самоотверженной заботы о потомстве, как из зародыша, пишет он, развился альтруизм вообще.

Правда, родительский инстинкт – вещь приходящая. Когда малыши становятся взрослыми, он проходит.

Поэтому, говорит Эфроимсон, альтруизм не мог развиться из родительского инстинкта у животных – малыши у них слишком быстро взрослеют. Чтобы родительский альтруизм, стал постоянным свойством животного, нужно, чтобы родители очень долго опекали своих детей.

И благородная привычка жить для других могла появиться только у человека.

Человеческие детеныши очень долго оставались беспомощными, и родители очень долго должны были что-то отрывать от себя, чтобы сохранить потомство. Причем заботы одних родителей было недостаточно. Требовалась «жертвенная храбрость, сильнейшее чувство товарищества и прочная спайка» всей общины.

Природа, справедливо считает Эфроимсон, «безжалостно истребляла те общины, в которых недостаточно охранялись беспомощные дети, в которых недостаточно о них заботились».¹⁰¹

Эфроимсон, короче говоря, считает, что у альтруизма есть прямая родственная связь с материнской любовью. И, альтруизм, это растянутая во времени материнская любовь.

Он уверен, что жертвовать собой ради потомства самку заставляет материнская любовь, в существовании которой верят еще охотней, чем в непорочное зачатие.

¹⁰¹ Эфроимсон «Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека)»

«Чудо материнства, – почитайте у Фромма, – это, когда посреди мира насилия и бед начинает действовать божественный принцип любви, мира и единения».

Но Фромм, как с ним часто бывает, идеализирует действительность и приписывает материнству прекрасные фантазии человеческого сердца. Хотя и мне лично больше хочется верить Фромму, чем биологам, которые не видят в отношениях родителей и детей никакого божественного принципа.

«Рисуемая нашим сознанием идиллическая картина счастливой семьи, где заботливые родители готовы пожертвовать собой ради благополучия своих несмышленных отпрысков, – пишет Панов, – зачастую весьма далека от суровой реальности».¹⁰²

Да, человек – не зверь. Но и в его природе не заложено то, чему Фромм умиляется с таким восторгом. Об этом можно судить по многочисленным древним культам принесения в жертву младенцев и малолетних детей.¹⁰³

В ветхозаветную эпоху принесение детей в жертву, было обычным делом. Во время раскопок ханаанейского храма в Гезере археологи обнаружили детские трупы со следами ожогов.

«По-видимому, – пишет Зильберман, – детей, подержав над огнём для очищения, ещё живых и кричащих, засовывали в кувшины, в большинстве случаев головами вниз, чтобы заглушить крик. Затем хоронили в «святом месте».¹⁰⁴

Когда Рамсес Второй осадил ханаанский город Асколон – рассказывает другой писатель – осажденные, взывая о помощи к богам, бросали своих детей с городских стен навстречу стрелам.

А когда Агафолп подошел к Карфагену, жители города, чтобы задобрить божество, сожгли сразу пятьсот детей. Двести малышей из знатных семейств были назначены в жертву

¹⁰² Е. Панов «Бегство от одиночества»

¹⁰³ Можно, конечно, представить, что младенцев для жертвоприношений отбирали насильно, несмотря на протесты родителей. Но если бы это было так, жрецы скорее отказались бы от этой практики, и не делали из нее культ.

¹⁰⁴ М. Зильберман «Земля Ханаанейская»

властями. И триста детей – родители пожертвовали для убийства добровольно.

Еще совсем недавно по сравнению с ветхозаветной древностью, шведский король Аун для спасения собственной жизни принес в жертву Одину девять своих сыновей.

И Аллах заклинал арабов: «не убивайте ваших детей из боязни обеднения: Мы пропитаем их и вас; поистине, убивать их – великий грех!»

В Риме патриархальный домовладыка имел право выбросить новорожденного ребенка или продать в рабство. Право выбрасывать новорожденных детей – пишет Дионисий Галикарнасский – было запрещено Ромулом, хотя окончательно было уничтожено только в эпоху империи.

Еще дольше продержалось право домовладыки продавать детей. Такую возможность на случай безысходной крайности допускали классические римские юристы. И даже Константин подтвердил это право своим указом.

Альтруизм, одним словом, не мог развиваться из материнской любви и из любви вообще. Альтруизм, это проявление того самого «безжалостного и аморального закона живой природы», которому Эфроимсон противопоставляет инстинкты и эмоции «величайшей нравственной силы».

И альтруизм матери, это частный случай поведения, которое производит впечатление жертвенности.

Хорошо известно, что во время выхаживания потомства самка становится особенно агрессивной.

Врачи из Университета штата Висконсин не так давно обнаружили, что выраженность материнского инстинкта напрямую зависит от содержания в крови так называемого адренокортикотропин-релизинг фактора.

Если выработка этого гормона по каким-то причинам оказывается ниже нормы, материнский инстинкт практически исчезает. По словам исследователей, от этого гормона зависит уровень материнской агрессии.

По словам Стефена Гамми,¹⁰⁵ который руководил этим проектом, химические основания бесстрашного поведения у животных, отсутствие страха у матери связано еще и с низким содержанием пептида в головном мозге. Снижение уровня пептида происходит при родах и при кормлении грудью.

Обычно кормящая мышь набрасывается даже на отца своих малышей, если он появляется около гнезда. Но после того как ей вводили высокую дозу пептида, мышь становилась неагрессивной и даже не пыталась защищать потомство.

Когда речь идет об агрессивности самки, это не нужно понимать в том смысле, что она самоотверженно борется за своих малышей.

Лоренц в своей знаменитой книге об агрессии приводит пример взаимоотношений индейки со своими индюшатами. Индейка может подпустить к себе и ухаживать, как за цыпленком, за всем, что питт по индюшачьи. Если лиса научится питать как маленький индюшонок, а настоящие цыплята потеряют голос, индейка будет защищать лису от своих собственных цыплят.

Из этого Лоренц делает вывод, что в отношениях индейки со своим выводком не существует ничего, кроме агрессии матери и условного сигнала умиротворения, которым индюшата тормозят эту агрессию.

Простору говоря, к своим малышам мать относится так же агрессивно, как и ко всем на кого нападает, и она уничтожила бы своих детей, если бы не существовало возможности умиротворения ее агрессии.

То, что принято называть родительской заботой, впервые появляется у некоторых костистых рыб, и проявляется в территориальной агрессии.

«Стремление отца монополизировать свою роль защитника и опекуна потомства, – пишет Панов, – коренится в большой степени в его частнособственнических наклонностях».¹⁰⁶

Перед нерестом самцы начинают друг с другом конфлик-

¹⁰⁵ «Упадок пептида делает матерей бесстрашными» <http://www.km.ru/>

¹⁰⁶ Е. Панов «Бегство от одиночества»

товать, отстаивая свою территорию. И «все, что находится в пределах этой территории, самец рассматривает как свою бесспорную собственность».¹⁰⁷

Эту собственность, включая гнездо с оплодотворенной икрой, самец охраняет до окончания сезона размножения. Он не подпускает к гнезду даже самку, которая выметала икру.

Таким образом, самоотверженная защита потомства, это не какая-то специальная цель, не отчаяние беззаветной любви, а агрессивная защита собственного пространства. Животное насмерть стоит за свою территорию, и благодаря этому под защитой оказываются все, кто на этой территории находится.

4.2. Иерархический альтруизм

У не территориальных животных альтруизм проявляется тогда, когда они защищают свое социальное пространство.

Тут есть и воспетая во всех искусствах и жанрах помощь ближнему, и преодоление опасности, которое легко принять за самопожертвование.

Де Ваал наблюдал за иерархическими коллизиями в колонии шимпанзе.

Трон переходил из рук в руки, и иногда на него садился молодой самец по имени Луит.

«Луит, – рассказывает Де Ваал, – показал себя мудрым и зрелым лидером. Когда два шимпанзе дрались, он вставал между ними и спокойно прекращал столкновение. И когда он занимал сторону одной воюющей стороны, это всегда была сторона проигравшая».¹⁰⁸

Точно известно, что сторону слабого занимают и рыси.

Когда рысьята переходят на твердый корм, между ними начинаются драки, и мать «изо всех сил старается разнять драчунов». При этом она «занимает сторону слабейшего и в дальнейшем не подпускает к нему агрессора».¹⁰⁹

¹⁰⁷ Е. Панов «Бегство от одиночества»

¹⁰⁸ Р. Райт «Моральное животное»

¹⁰⁹ Александр Марков «Братоубийственные драки детенышей не зависят от половых гормонов», «Элементы», Том 71 № 2

Конрад Лоренц пишет, что у галок высокоранговые птицы заступаются за своих слабых сородичей и дает этому факту свое объяснение.

Галки «испытывают постоянное раздражение лишь к своим непосредственным подчиненным». Зато они снисходительны к тем, кто занимает низшее положение в иерархии стаи. Все, что в самом низу, они рассматривают «не более как песок у своих ног».¹¹⁰

И, ввязываясь в чужую драку, высокопоставленная галка обязательно займет сторону слабого, потому что слабая галка не вызывает в ней такого раздражения, как сильная.

«Третейский судья, – пишет Лоренц, – всегда более агрессивен к вышестоящему из двух первоначальных бойцов».¹¹¹

Правда, Лоренц не объясняет, почему высокоранговая птица вообще вмешивается в драку низкоранговых птиц, до которых ей нет дела.

Судя по всему, нападение сильной птицы на слабую доминант рассматривает, как претензию на трон.

Высокоранговая птица знает, что в этой стае только она имеет законное право судить и наказывать, проявлять власть. И если какая-нибудь выскочка позволяет себе делать то же самое в присутствии доминанта, она ставит под сомнение его высокий иерархический ранг.

Тут никто вовсе и не думает про своего слабого сородича, который нуждается в защите. Сильная птица, на чтобы это не было похоже со стороны, нападает на обидчика только потому, что не напасть – значит отдать символы власти в руки первого встречного наглеца.

И, кажется, не только доминирующие, но и подчиненные животные хорошо это понимают.

Подтверждение этому предположению есть у Лавика-Гудолла.

В стае гиеновых собак доминирующее положение среди

¹¹⁰ К. Лоренц «Кольцо царя Соломона».

¹¹¹ К. Лоренц «Агрессия»

самок занимала Ведьма, второй в иерархии была Черная Фея, самое низкое положение занимали Лилия и Юнона.

Однажды Черная Фея сделала несколько шагов в сторону Юноны, потом подскочила к Ведьме, потерлась подбородком об ее голову, снова бросилась к Юноне и стала ее кусать. К удивлению Гудолла, Ведьма отогнала Фею от Юноны и устроила ей взбучку.

Лавик-Гудолл скоро сообразил, что Фея собиралась напасть на Юнону и для этого пыталась получить у Ведьмы разрешение. Во всяком случае, Ведьма всегда занимала сторону низкоранговых собак, когда Фея на них набрасывалась.

«Стоило Черной Фее укусить другую самку – Юнону или Лилию, – рассказывает Лавик-Гудолл, – как Ведьма, очевидно для поддержания порядка, тотчас кусала Черную Фею».

Человек, постигший очевидную связь между агрессивным поступком и благом других, расправляясь со своими соперниками, внушает окружающим мысль, что заботится не о себе, а о благе ближних, что он не нападает, а защищает. И это не всегда лукавство.

В этом состоит нравственная идея государства и власти.

Поэтому у ветхозаветных пророков, государство рассматривается не как субъект права, а как субъект этики. Пророки, в отличие от Павла, не считали, что всякая власть от Бога.

«Князья твои – законопреступники и сообщники воров, – говорит Исайя, – все они не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них».¹¹²

И напрасно эти князья топчут дворы Господа и приносят всесожжения овнов и туком откормленного скота.

«Научитесь делать добро, – говорит Господь князьям, – ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим».¹¹³

Хаммурапи начертал «свои драгоценные слова» на черном столбе, «чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы ока-

¹¹² Книга пророка Исаии, 1, 22

¹¹³ Исаия 1:16,17

зять справедливость сироте и вдове, и притесненному оказать справедливость».¹¹⁴

Уруинимгина сообщает на своих конусах, что он провёл реформы, «чтобы бедняк (и) вдова человеку сильному не предавались».¹¹⁵ В другом переводе, Уруинимгина заключил завет с богом, которого в Лагаше рассматривали в том числе, как божество, устанавливающее справедливость, «чтобы сироте и вдове сильный человек не причинил зла».¹¹⁶

А Ману говорит, что «если бы не было царей, сильные изжарили бы слабых на вертелах».¹¹⁷

Не это ли имеет в виду Новгородцев, когда говорит, что «истинная сущность права состоит в границе, полагаемой им для силы, а не в той опоре, которую дает ему сила»?¹¹⁸

Защита сироты и вдовы, это художественный образ правовой идеи. Смысл ее состоит в том, что «обиженная жена может пожаловаться мужу, угнетаемый сын обычно зовет на помощь отца. Поскольку у вдовы и сироты нет никого, кто мог бы придти к ним на помощь, они жалуются Мне».¹¹⁹ Это значит, что беззащитные находятся под охраной суверена. И тот, кто покушается на подзащитных суверена, ставит под сомнение его способность их защитить.

Нравственная сущность права состоит в том, что она всегда направлена против сильного. Но это не значит, что законодатель ставит перед собой задачу защитить слабого. Законодатель принимает законы против сильного, чтобы защитить собственную власть.

Так же думает, например, Фуко, когда рассматривает публичную пытку не только как судебный, но и как политический ритуал. И даже больше, как политический, чем судебный.

Публичная пытка, пишет он, это церемония, в которой «власть показывает себя».

Согласно праву классического века, правонарушение

¹¹⁴ Законник Хаммурапи

¹¹⁵ Надпись Уруинимгины на глиняных конусах

¹¹⁶ М. Зильберман «Земля Ханаанейская»

¹¹⁷ «Законы Ману»

¹¹⁸ П. Новгородцев «Право и нравственность»

¹¹⁹ Мишпатим

помимо ущерба, который оно причиняет потерпевшей стороне, «посягает на право того, кто защищает закон» и наносит «оскорбление его достоинству». ¹²⁰

Другими словами, «помимо непосредственной жертвы преступление направлено против суверена» поскольку закон представляет его волю, и поскольку «сила закона есть сила государя». ¹²¹

Поэтому вмешательство суверена, это не третейский суд, который разрешает спор двух противников, а ответ человеку, оскорбившему государя.

«Значит, – пишет Фуко, – наказание не должно расцениваться как возмещение ущерба и даже соизмеряться с ущербом; в наказании всегда должна присутствовать доля, принадлежащая государю». ¹²²

Эта доля «является наиболее важным элементом уголовно-правовой ликвидации преступления», потому что «всякое преступление – своего рода бунт против закона и преступник – враг государя». ¹²³

Публичная казнь, так же, как и не публичная, не восстанавливала справедливость, она восстанавливала пошатнувшуюся власть суверена.

И можно сказать, что в наказании, преследующем политические интересы, интересы приобретения или сохранения власти, присутствует и доля, принадлежащая жертве преступления или насилия.

Эта доля и называется альтруизмом.

4.3. Природа альтруизма

Таким образом, заблуждение этической философии состоит в том, что она рассматривает альтруизм как преднамеренное деяние, как цель, к которой человек стремится специально.

¹²⁰ М. Фуко «Надзирать и наказывать»

¹²¹ М. Фуко «Надзирать и наказывать»

¹²² М. Фуко «Надзирать и наказывать»

¹²³ М. Фуко «Надзирать и наказывать»

На самом деле, благо других, это не цель нравственного поступка, а его произвольный, побочный результат.

Этот произвольный результат агрессивного поведения этическое сознание перемещает с периферии в центр этических отношений. Из не намеренного оно делает преднамеренное. Из самозабвения самоотречение. Из целесообразного бескорыстное.

Это то же самое, что утверждать, будто предприниматель стремится к тому, чтобы у наемных рабочих были средства к существованию. Но всем хорошо известно, что он живет для себя, и не целью, а следствием его стремления к получению прибыли становится благополучие пролетариев.

4.4. Этология и психология

Здесь я отвлекусь, и скажу несколько слов о своем праве применять к человеку знания, добытые наукой о поведении животных.

Гуманитарии говорят, что зверь – раб инстинктов, а человек – дитя культуры.

Это нужно понимать в том смысле, что культура освободила человека от инстинктов, и уже не инстинкты, а она выступает распорядителем человеческих поступков.

В лучшем случае признают, что «социальная деятельность человека имеет базовые биологические факторы, которые прошли столь глубокую культурную «переплавку», что изменились до неузнаваемости».¹²⁴

На самом деле культура, это не противоположность инстинктов, а искусство управления инстинктами. Она пытается их запрещать или наоборот поощряет. Причем поощряет не только хорошие, с ханжеской точки зрения, инстинкты, но и плохие.

Секацкий, рассказывая про деревенские драки, которые были «неотъемлемой частью праздника»,¹²⁵ пишет, что глав-

¹²⁴ Р. Хайнда «Индивидуум: взаимоотношения и культура».

¹²⁵ А. К. Секацкий «Деревенская драка».

ным персонажем таких мероприятий был гармонист.

Гармонист играл «особую, прерывистую музыку, мелодию ярости и гнева», от которой люди зверели.

Так же, например, у черкесов любое сражение превращалось в спектакль, и, по словам Бажнокова, существовал даже институт профессиональных наблюдателей за ходом таких представлений. Это были народные певцы – джегуако.

Перед началом сражения джегуако занимали места на возвышенности, с высоты наблюдали за ходом сражения, и тут же сочиняли и пели песни о сражении, которое происходило у них на глазах.

Черкес играл свою героическую роль «не столько перед народными певцами, сколько через посредство последних – перед обществом».

Он, пишет Мирзоев, больше всего на свете боится быть прозванным трусом в национальных песнях – в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки.

Только тот, кто играл роль, предписанную, морально-правовым кодексом – «адыгэ хабэз» – мог рассчитывать на уважение. И джегуако, этот представитель культуры и искусства, выступает, как свидетель и подстрекатель агрессивности джигита во время битвы.

Поведенческое отличие человека от животных состоит в том, что человек взаимодействует не непосредственно со своим окружением, а опосредованно с теми, кто господствует.

Примером такого взаимодействия человека и власти может служить королевский двор.

При дворе, пишет Элиас, идет борьба «за благосклонность короля».¹²⁶ Шпага уже не играет большой роли. На ее место становятся «интриги, словесное фехтование», которые обеспечивают победителю «карьерный рост и социальный успех».¹²⁷

Для борьбы такого рода требуется «способность к сужде-

¹²⁶ Н. Элиас «Процесс цивилизации»

¹²⁷ Н. Элиас «Процесс цивилизации»

нию, расчету отдаленных последствий, самообладание».

При дворе «заявляет о себе специфическая форма дифференциации и внутреннего раскола личности: человек словно противостоит себе самому».

«Он, – пишет Элиас про этого человека, – «таит свои страсти», «изменяет своему сердцу», «поступает вопреки своему чувству».¹²⁸

Вне общества человек остается животным и действует «под влиянием мимолетных импульсов», там нет нужды «отыскивать скрытые мотивы» чужого поведения. Там «аффект прямо следует за аффектом, тогда как при дворе одно «вычисление» следует за другим».¹²⁹

Если опасность не может исходить непосредственно от этого человека, она может исходить от тех, кто за ним стоит, с кем он дружит, кому он доводится родственником.

Поэтому «придворное искусство наблюдения за людьми, – пишет Элиас, – никогда не сводится к наблюдению за изолированным человеком. Индивид всегда рассматривался, как человек в его отношениях с другими людьми».¹³⁰

Но что это меняет?

Гуманитарии говорят, что этологический подход предполагает фиксированную схему действий в ответ на предъявление социального релизера.

Но что значит фиксированная схема действий применительно к агрессии?

Это значит, что живое существо в ответ на опасность может выдать только одну из двух противоположных реакций, предписанных ему генетически – напасть или воздержаться от нападения.

Придворный, служащий, вообще любой человек, так же, как и животное оценивает человека с точки зрения его опасности. Только теперь опасность или неопасность представляет

¹²⁸ Н. Элиас «Процесс цивилизации»

¹²⁹ Н. Элиас «Процесс цивилизации»

¹³⁰ Н. Элиас «Процесс цивилизации»

не сам по себе человек, а его связи и его влияние в обществе.

Как показывает Элиас, для придворного, если говорить о придворном, опасен только один человек – король, и, вступая в отношения со своим соперником, человек просчитывает, как отзовутся его отношения с этим человеком на его отношениях с королем.

И если король покровительствует сопернику, человек воздержится от нападения, потому что напасть на соперника, значит, напасть на самого короля.

Одним словом, поведенческая практика человека отличается от практики животным не тем, что человек не поддается власти инстинктов, а тем, что у человека более сложный механизм реагирования на социальные раздражители.

Можно сказать и по-другому. Человека от свободного проявления инстинктов сдерживает не культура, как нечто более совершенное, а первобытный животный страх перед наказанием, изощренной в таких делах культуры.

4.5. Вера Засулич и классовая природа нравственности

Человеческий альтруизм в отличие от альтруизма у животных, действительно, бывает более возвышенным, чистым и одухотворенным, потому что причина, из-за которой люди идут на каторгу и на смерть за других людей не всегда лежит на поверхности.

Но причина эта одна и та же – агрессия.

Таким исключительно человеческим случаем альтруизма было происшествие, которое произошло 24 января 1878 года.

В этот день мелкопоместная дворянка Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Федора Трепова.

Федор Трепов был стариком шестидесяти шести лет от роду. Пишут, это был солдафон, не лишенный житейской сметки, властолюбец и самодур. По уровню культурного развития градоначальника сравнивали с околоточным, что, скорее всего, недостойные выдумки классовых врагов царского генерала.

Незадолго до происшествия Трепов посетил Петропавлов-

скую крепость, и велел выпороть за неучтивость политического заключенного Боголюбова.

Закон запрещал пороть заключенных. Но Трепов велел, и Боголюбова выпороли. Правда, градоначальник успел посоветоваться с Паленом,¹³¹ и потом всем рассказывал, что высек Боголюбова «по совету и поручению» министра юстиции.

Пишут, общественность ждала, что Трепова накажут. Но его не наказали.

«Мне, – говорила Засулич на суде, – казалось, что такое дело не может, не должно пройти бесследно. Я ждала, не отзовется ли оно хоть чем-нибудь, но все молчало».¹³²

И тогда Засулич устроила самосуд. Она решила «ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так надругаясь над человеческой личностью».¹³³

Она записалась на прием к градоначальнику, и когда Трепов принял от нее прошение, достала револьвер и выстрелила наугад.

Председатель окружного суда Анатолий Кони, который как раз в этот день вступил в должность, немедленно приехал на место происшествия.

«За длинным столом, – пишет в своих мемуарах этот знаменитый судья, – сидела девушка. Она заявила, что решила отомстить за незнакомого ей Боголюбова, о поругании которого узнала из газет».¹³⁴

Мнения о поступке Засулич разделились. Одни рукоплескали, другие сочувствовали, третьи не одобряли. Но никто не видел в Засулич «мерзавку», и никто, не швырял грязью в преступницу.¹³⁵

Рассказывают, даже сам Трепов, оправившись от ранения, разъезжал в коляске по городу и всем говорил про Засулич, что «будет рад, если она будет оправдана».

¹³¹ Пален был министром юстиции.

¹³² Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич»

¹³³ Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич»

¹³⁴ Кони «Воспоминания»

¹³⁵ Кони «Воспоминания»

«Она может выйти отсюда осужденной, – говорил адвокат Александров на суде, – но она не выйдет опозоренною».¹³⁶

И вот присяжные вышли из совещательной комнаты «теснясь, с бледными лицами, не глядя на подсудимую».¹³⁷

«Все, – пишет Кони, – затаили дыхание».

Старшина дрожащей рукой подал судье лист, и даже не смог выговорить до конца вердикт присяжных – не виновна.

«Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, – вот, что началось в зале. – Даже в местах за судьями усерднейшим образом хлопали. Я оглянулся, – пишет Кони: – помощник генерал-фельдцейхмейстера, Баранцов, раскрасневшийся седой толстяк, с азартом бил в ладоши».¹³⁸

Аплодировал решению присяжных не только «титованный недоумок» Баранцов. Хлопал в ладоши и канцлер Горчаков, что, может быть не так уж и удивительно. Горчаков был лицейским товарищем Пушкина.

Александров не отрицал, что «самоуправное убийство есть преступление». Но он доказывал, что это преступление есть «высокочтимый подвиг гражданской доблести».

«Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, – говорил он, – в самых мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва».

Этот случай обладает всеми достоинствами и пороками нравственного поступка.

Засулич поступила агрессивно: она напала на человека и причинила ему страдание.

Этот поступок похож на жертвоприношение.

«Она, – пишет Степняк-Кравчинский, склонный идеализировать революционеров, – была ангелом мести, жертвой, которая добровольно отдавала себя на заклание».¹³⁹

¹³⁶ Александров «Речь в защиту Засулич»

¹³⁷ Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич»

¹³⁸ Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич»

¹³⁹ С. Степняк-Кравчинский «Подпольная Россия»

Жертвенность Засулич ни у кого и не вызывала сомнения. Кони, даже считает, что правосудие, оправдав Засулич, как бы испортило обедню. Если бы присяжные вынесли обвинительный приговор, «поступок Засулич, шедшей на кару и принявшей ее, приобретал бы характер действительного, несомненного самоотвержения».¹⁴⁰

Наконец, поступок Засулич противоречил уголовному праву.

«Никто из разумных людей, – пишет в своих мемуарах князь Мещерский, – никак не мог понять, как могло состояться в зале суда такое страшное глумление над законностью. Ведь она стреляла в человека, тяжело ранила его, а ее признали невиновной и отпустили».¹⁴¹

Конечно, с точки зрения закона Засулич должны были признать виновной. Но средний класс «в лице присяжных выразил, что насилие и произвол правительственных агентов возмущают его настолько, что из-за них он закрывает глаза на кровавый самосуд».¹⁴²

По словам Кони, присяжные не отрицали того, что сделала Засулич, но «не вменяли ей этого в вину».¹⁴³

Я говорю, что альтруизм, это не преднамеренное деяние, что альтруист проявляет агрессию на опасность, которая угрожает лично ему, и альтруизм есть побочный, непроизвольный результат этой агрессии.

Поступок Веры Засулич на первый взгляд опровергает это представление о природе альтруизма.

То, что произошло в Петропавловской крепости, как будто не имело лично к ней никакого отношения и никак лично ей не угрожало. Она даже не знала Боголюбова лично.

Почему вдруг она взяла в руки револьвер и напала на градоначальника?

¹⁴⁰ А. Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич»

¹⁴¹ Ю. Носов «Убить градоначальника»

¹⁴² А. Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич»

¹⁴³ А. Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич»

Это произошло вот почему.

Я уже говорил, что человек в отличие от животных чаще всего реагирует не на непосредственную действительность, а на тот образ действительности, который рисует его воображение.

Так, например, биографы Адлера рассказывают, как в детстве по дороге в школу будущему основоположнику индивидуальной психологии приходилось ходить через кладбище. Мальчика терзал страх, и мучила мысль, что он не такой смелый, как его товарищи. Однажды он даже несколько раз подряд пробежал через это кладбище, чтобы побороть страх.

Несколько лет спустя Адлер узнал, что никакого кладбища на самом деле не существовало. За кладбище он принимал обычный заброшенный двор. Биографы говорят, что, наверное, поэтому Адлер, как психолог, «считал важным не сам жизненный факт, а его оценку человеком».¹⁴⁴

В этой способности человека воспринимать действительность не непосредственно, а через мыслительные образы, и доверять этой виртуальной действительности больше, чем реальной, состоит серьезный недостаток по сравнению с животными, хотя бы потому, что «он готов увидеть опасность там, где ее в действительности нет».¹⁴⁵

«Человек, – пишет Фромм, – обладает не только способностью предвидеть реальную опасность в будущем, но он еще позволяет себя уговорить, допускает, чтобы им манипулировали, руководили, убеждали».¹⁴⁶

Фромм говорит об этой способности, чтобы объяснить, почему люди проявляют нравственное воодушевление, отстаивая ложные и опасные идеи.

Но эта же способность делает возможной родовую, корпоративную и классовую солидарность, готовность вступить в борьбу с врагами своего рода, класса или отечества.

¹⁴⁴ Э.В.Соколов «Введение в психоанализ»

¹⁴⁵ Э. Фромм «Анатомия человеческой деструктивности»

¹⁴⁶ Э. Фромм «Анатомия человеческой деструктивности»

Человек воспринимает опасность, которая нависла над членом его рода, класса или над соотечественником, как опасность, нависшую над ним лично.

Примером такого отношения к опасности служит война. Гражданин государства, на которое напал враг, не считает и не чувствует, что в опасности оказались только те люди, которые находятся около государственной границы. Он тоже чувствует себя в опасности и готов сражаться, хотя опасность лично до него еще не докатилась.

Поэтому оскорбление Боголюбова, Засулич принимала, как собственное оскорбление, и мстила, как бы это странно не звучало, не за Боголюбова, а за себя.

Боголюбов, рассуждает адвокат, не был другом или родственником Засулич. Она даже никогда не видела его. Боголюбов «был для Засулич – она сама».

«Политический арестант, – говорит Александров, – был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре».¹⁴⁷

Такое же побуждение к борьбе испытывала не одна Засулич, но и все, кто, так или иначе, принадлежал к сословию революционеров и был не доволен произволом государственных чиновников.

Морозов¹⁴⁸ сидел в том же доме предварительного заключения, что и Боголюбов, и происшествие произошло у него на глазах.

И он пишет, что, узнав о распоряжении Трепова, он судорожно сжал пальцы в кулаки и крепко стиснул зубы.

«За это надо отомстить, – решил он, – отомстить, во что бы то ни стало. Если никто другой не отомстит до тех пор, то отомщу я, когда меня выпустят».¹⁴⁹

Морозов даже решил отомстить за Боголюбова не Трепову, а назначающему «нашими властелинами таких людей».

¹⁴⁷ П. Александров «Судебная речь в защиту Веры Засулич»

¹⁴⁸ Н. Морозов «Повести моей жизни»

¹⁴⁹ Н. Морозов «Повести моей жизни»

После порки Боголюбова «нервное возбуждение арестантов, – рассказывает Кони, – дошло до крайнего предела». У них началась истерика, они бросались на окна, и можно было ожидать покушений на самоубийство и массовых беспорядков.

Морозов рассказывает, что «метался из угла в угол, как тигр в своей клетке» и его воображение строило фантастические кроважадные романы «полные мести всем деспотам».

5. Внутренний импульс этического поведения

Итак, нравственное поведение, это поведение агрессивное.

Теперь остается ответить на вечный вопрос этической философии: что заставляет человека поступать нравственно?

Если нравственность и агрессия, это два разных имени одного явления, то можно сказать, что поступать нравственно человека заставляет то же, что заставляет его поступать агрессивно.

На этот вопрос уже ответил Альфред Адлер. Он ввел понятие потребность в агрессии, и говорит, что агрессия нужна для того, чтобы добиваться власти и превосходства.

Этические отношения, так же, как и агрессивные возникают в сфере власти-подчинения, и отражают естественное неравенство людей, то есть их иерархические отношения.

5.1. Этическое и иерархическое сознание

Многие морализаторы и особенно романтические писатели, утверждая нравственную ценность принципа жить для других, подразумевают, что люди заинтересованы принимать чужие благодеяния.

В эту сомнительную истину искренне верил, например, Маршанжи, который с добрыми намерениями сочинял сказки о похождениях странствующего рыцаря, готового прийти на помощь бедной вдове, сироте или добродетельной даме.

Рыцарь, рассказывает Маршанжи, повсюду был желанным гостем, и «мог войти в чужой замок так же смело, как в собственный».¹⁵⁰

«Приближается рыцарь, – так выглядит Маршанжи в пересказе Руа, – трубит рог, опускается мост. Дамы спешат на крыльцо – встретить странника и поддержать ему стремя. Пажи подают мыться и мягкими тканями оттирают пыль с мокрого чела».

«Если что тебе не по нраву, – предупреждают героя, – распорядись по-своему».

Вся округа прибывает в замок, чтобы чествовать странствующего рыцаря – графы в красивых платьях, окруженные шутами, знаменитые рыцари с предводителем местного дворянства, обязательно аббат и музыканты.

Сначала обедают. Потом забавляются. Трубадуры играют на арфе, а странник рассказывает о своих героических приключениях.

Потом рыцаря ведут в приготовленную для сна комнату. Тут розовая вода для омовения. Высокая постель с соломенным матрасом и пуховыми подушками, надушенными фиалками.

Пажи подают вино «на сон грядущий и разные лакомства».

Назавтра рыцарь спешит дальше, и ему дарят «шелковую ткань, драгоценности и золото». Ведь у рыцаря нет с собой ничего кроме соли и пряностей, чтобы приготовить подстреленного зайца.

Наивные графы и предводители дворянства полагают, что отрезом шелка рыцарь утешит вдову, за драгоценности выкупит пленника, а золото потратит на башмаки для какого-нибудь бродяги.

На самом деле представление о том, что нам нравятся альтруисты, и вообще, добродетельные люди, это фантазии художников слова и школьных учителей.

И моралистам всегда было хорошо известно, что мы не любим тех, кто хочет нам помочь. По крайней мере, тогда, когда

¹⁵⁰ Жан Жак Руа «История рыцарства»

мы сами никого об этом не просим.

Судя по всему, это характерная особенность всех животных. Захави, например, наблюдал нелюбовь доминирующих особей к добровольным помощникам у арабских говорушек.

У говорушек, которые живут большими колониями в пустыне Негев, потомство приносят только доминанты, всего одна пара на всю колонию.

Главный самец изгоняет со своей территории всех своих соперников, и из самцов остаются только четырех-шести летняя молодежь, которая не претендует на право производить потомство, хотя и находятся в возрасте половой зрелости.

Эти молодые птицы и становятся добровольными помощниками доминирующей пары. Сначала они помогают строить гнездо, потом – выкармливать птенцов.

Скорее всего, как половозрелые особи, они таким образом реализуют репродуктивный инстинкт, который не сводится исключительно к половым отношениям. Мне кажется, животные испытывают непреодолимую охоту не только к брачным взаимоотношениям, но и к тому, что связано с выхаживанием потомства.

Репродуктивная программа, скорее всего, может реализовываться, как полностью, так и с купюрами. Кинолог Фогль пишет, что у некоторых сук не происходит зачатие, но у них проявляются все признаки беременности, и потом они охраняют логово с несуществующими щенками.¹⁵¹

Так вот, когда помощник пытается помогать родителям, он «постоянно наталкивается на неприязнь и сопротивление родителей птенцов» и ему приходится ухищряться, чтобы «реализовать свое непреодолимое желание покормить несмышленьшей».¹⁵²

«Размножающиеся члены группы, – пишет Захави, – препятствуют попыткам помощников оказывать им помощь. Гово-

¹⁵¹ Б. Фогль «101 вопрос, который задала бы Ваша собака своему ветеринару (если бы умела говорить)»

¹⁵² Е. Панов «Бегство от одиночества»

рушки не используют стремление своих сородичей вести себя альтруистически».¹⁵³

Почему родители птенцов отказываются от посторонней помощи?

Экономист Торстейн Веблен считает, что «альтруистическая помощь, возможно, служит своеобразной рекламой, демонстрирующей превосходство или лидерство».¹⁵⁴

Такое поведение называется эффектом потлача. Так называется обычай, который практиковали племена Северо-Западной Америки. Вожди этих племен по очереди устраивали друг другу разорительные пиры. Иногда это продолжалось до тех пор, пока одна из сторон окончательно не разорится.

Захави пришел к выводу, что «доминирующие дрозды утверждают свое главенствующее положение, подкармливая более слабых собратьев». Этим доминант как бы показывает, насколько он могущественней того, кому помогает. Он добывает столько пищи, что может поделиться со слабым. Он может сидеть на самых высоких ветвях, не боясь ястребов, и охранять колонию.

Орнитолог и писатель Евгений Панов, видимо со слов Захави, тоже пишет, что говорушки показывают свое превосходство «несколько неожиданным образом».

«Чтобы одернуть зарвавшегося недоросля, — пишет он, — умудренная опытом говорушка преподносит ему жука, муху или какую-либо другую подачку; либо, усевшись подле него, несколько раз небрежно перебирает клювом перья на его спине».¹⁵⁵

Кормление ближнего и «аллопрининг»,¹⁵⁶ это прерогатива привилегированной особи.

Если помощь сильному пытается оказать слабая говорушка, ее жестоко наказывают.

¹⁵³ Е. Панов «Бегство от одиночества»

¹⁵⁴ В. Фридман «Плюсы социобиологии»

¹⁵⁵ Е. Панов «Бегство от одиночества»

¹⁵⁶ Манипуляция с оперением сородича

По Докинзу идея Амоса Захави состоит в том, «что заявление о превосходстве необходимо подтверждать реальной жертвой». ¹⁵⁷

«Индивидуумы, – пишет Докинз, – покупают успех, например, в привлечении сексуальных партнеров, ценой дорогой рекламы собственного превосходства, включая демонстративные проявления щедрости и подвергание себя опасности на благо других». ¹⁵⁸

Если говорить о людях, то еще Аристотель обратил внимание, что, во всяком случае, некоторые люди относятся к чужим благодеяниям, не как к благу, а как к чему-то, наоборот, вредному и опасному.

Перечисляя моральные достоинства величавого, Аристотель говорит, что величавый «способен оказывать благодеяния, но стыдится принимать их, так как первое – признак его превосходства, а второе – превосходства другого». ¹⁵⁹

Плутарх рассказывает, что Таксил, который «владел в Индии страной, по размерам не уступавшей Египту», предложил Александру Македонскому отказаться от сражения и готов был поделиться имуществом, если он богаче Александра, или принять от него дары, если – беднее.

Александр подал Таксилу руку, и сказал, что будет сражаться.

«Я, – так он говорит у Плутарха, – буду бороться с тобой благодеяниями, чтобы ты не превзошел меня своей щедростью». ¹⁶⁰

И «приняв богатые дары от Таксила, Александр преподнес ему дары еще более богатые».

Ливий рассказывает, как во время войны с Ганнибалом в Рим прибыли послы от Неаполя. Они «внесли в курию сорок тяжелых золотых чаш». Неаполитанцы знали, что «казну римского народа вычерпала война» и решили подарить Риму золо-

¹⁵⁷ Докинз «Бог, как иллюзия»

¹⁵⁸ Докинз «Бог, как иллюзия»

¹⁵⁹ Аристотель «Никомахова этика»

¹⁶⁰ Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

то, которое их предки оставили на украшение храмов и помощь бедствующим.

«Римские сенаторы и народ, — сказали неаполитанцы, — порадуют их, если принесенный дар оценят не просто по его стоимости, а по дружеским чувствам и доброй воле тех, кто его принес». ¹⁶¹

«Послов, — пишет Ливий, — поблагодарили за щедрость и внимание, а чашу приняли только ту, что была всех легче».

Итальянец Интериано писал, что знатные черкесы «восхваляют щедрость и дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия». Знатные особенно расточительны в том, что касается одежды.

«По этой причине, — пишет итальянец, — оказывается, что они по большей части хуже одеты, чем их подданные».

По словам Интериано, вассалы просто выпрашивали подарки, а отказать им в просьбе — было величайшим позором для знатного человека.

То, что вещь дарителю нужна не меньше, чем просителю, Интериано называет парадоксальным, хотя тут же и говорит, что эта парадоксальность «доказывает богатство и щедрость первого и ставит второго в зависимое положение». ¹⁶²

В шестнадцатом-семнадцатом веках русский царь всегда возвращал дарителям их подарки.

«При рождении царевича, — пишет Коллинс, — подданные изъявляют радость свою, поднося царю подарки, которые он, однако же, опять возвращает; но если ему что-нибудь полюбит-ся, то он платит настоящую цену». ¹⁶³

Для этого случая, Коллинс придумал вот какое фантастическое объяснение.

«Попадая в руки царя и возвращаясь обратно, — пишет он, — вещь приобретает некое новое качество, становится воплощением преданности подданного, с одной стороны, и царской

¹⁶¹ Тит Ливий «История Рима от основания Города»

¹⁶² А Байбурин, А. Топорков «У истоков этикета»

¹⁶³ С. Коллинс «Нынешнее состояние России»

милости – с другой».

Может быть, со временем эта традиция и получила такой смысл, какой в него вкладывает Коллинс, но первоначально возврат вещи был, судя по всему, простым возвратом несвободы государя перед подданными, которую он приобретал вместе с подарком. Именно поэтому он возвращал только те вещи, которые ему меньше всего понравились, и выкупал те, которые полюбились.

По той причине, что дарение было связано с обладанием властью, московские государи принимали подарки от послов и дарили через них свои. И стоимость ответных даров всегда превосходила стоимость посольских.

Благодеение, говорит по этому поводу Гоббс, если оно оказано равному, может привести к тайной ненависти того, кому оно оказано.

«Дело в том, – объясняет он, – что благодеение обязывает, обязательство же есть рабство».¹⁶⁴

У самых крупных мыслителей едва ли есть по этому поводу другое мнение.

Кант говорит, что, приняв чужое благодеение, мы становимся «ступенью ниже нашего покровителя, что противно истинному самоуважению».¹⁶⁵

Макиавелли поучает, что «не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут. Даже если тебя и выручат из беды, это небезопасно для тебя, так как ты окажешься в положении зависимом».¹⁶⁶

Поэтому, например, практически не применялась денежная или другая плата за кровь, в делах кровной мести.

Дело в том, что просто заплатить за кровь было недостаточно. Нужно было совершить унижительный обряд публичного покаяния, покорствования.

«Чаще всего, – пишет Блок, – по крайней мере, среди представителей высших классов, этот обряд имел вид оммажа, вы-

¹⁶⁴ Т. Гоббс «Левиафан»

¹⁶⁵ И. Кант «Метафизика нравов»

¹⁶⁶ Н.Макиавелли «Государь»

ражавшего самую полную, самую безоглядную преданность и покорность».¹⁶⁷

Оммаж, это символическая церемония при заключении вассального договора. Человек без оружия и с непокрытой головой вставал на колени, вкладывал ладони в руки сеньора и просил принять его в вассалы.

После этого сеньор поднимал его с колени, и они целовались. Тем не менее, один получал превосходство над другим. Один становился слугой другого. Вот почему преступник предпочитал смерть отступному.

На Кавказе процедура примирения кровников была такой же унижительной.

У карачаевцев «убийца без шапки, с накинутым на плечи саваном, на коленях полз через толпу к родителям убитого. Его волосы и борода были отпущены как при трауре».¹⁶⁸

В других случаях убийца приходил на могилу или во двор убитого с приношениями. К его груди приставляли ружье или кинжал, и спрашивали: «не так ли властны над ним теперь родственники убитого, как был он властен над ним, когда совершал преступление?»¹⁶⁹

И родственники убитого, исполняя свой нравственный долг, получали над убийцей такую же неограниченную власть, какую живой имеет над мертвым.

5.2. Оскорбление

Так же и сама сущность оскорбления, которое становится причиной нравственного или безнравственного поступка оскорбленного человека, состоит в том, что оскорбитель приписывает оскорбленному низкий иерархический статус.

В 1646 году Федор Нащокин и Иван Бужанинов обесчестили князя Ефимия Мышецкого. Они называли Мышецкого и его родителей «холопами боярскими и конюховыми детьми»,

¹⁶⁷ М. Блок «Феодальное общество»

¹⁶⁸ И. Бабич «Право и жизнь в адыгском обществе»

¹⁶⁹ И. Бабич «Право и жизнь в адыгском обществе»

а Бужанинов называл Мышецкого еще и дьяком, а детишек его подьячими.

В 1650 году челобитную государю с жалобой против оскорбителей подал «казначей Богдана Дубровского сынишко».

Жалобщик рассказывает, что его хотели убить князь Лаврентий Мещерский и Ондрей Безобразов, что он от них побегал, а «князь Лаврентей, гоняючи» за ним, «лаял матерны и всякою неподобною лаею, и называл страднышонком».¹⁷⁰

Самарины жаловались царю, что Иван Елчанинов, «бесчестил нас и родителей наших, называя нас холопей твоих своими холопи, и называл нас страдниками и земцами, и дедов наших называл мужиками пашенными».¹⁷¹

5.3. Вежливость

Другой пример связи этического с иерархическим показывает вежливость.

Многие считают так же, как Нитобэ и Норман. Эти писатели приписывают вежливости «надлежащее уважение к общественному положению», которое отражает «не плутократические различия, а действительные заслуги, как то было изначально».¹⁷²

Это, конечно, не так. Вежливо относятся не только к тем, кто заслужил высокое общественное положение, но и к тем, кто занимает его не заслуженно.

Поэтому причина вежливости не в том, что одни люди уважают заслуги других, а в том, что высокое положение одних людей представляет опасность для тех, кто стоит под ними.

И нет никаких оснований сомневаться, что хорошие манеры, как говорит Лоренц, в большинстве случаев представляют собой «ритуализованные в культуре жесты покорности».

И, видимо, не случайно эти жесты оказались особенно востребованы в аристократической среде и на Востоке, там, где

¹⁷⁰ А. Кацура «Дуэль в истории России»

¹⁷¹ А. Кацура «Дуэль в истории России»

¹⁷² И. Нитобэ, Ф. Норман «Японский воин»

свирепствовала дуэль и кровная месть.

Война на Кавказе, говорит Инал-Ипа, была регулярной функцией народной жизни. «Подобно хлебопашеству», добавляет Панеш.

«Здесь, – пишет Барцыц о Кавказе, – с детства учат принимать вызов, не уклоняться от агрессии».¹⁷³

И именно благодаря хорошо развитому этикету, эта воинственная культура не уничтожила сама себя.

«Высокая этикетность кавказской культуры, – цитата из Барциг, – обратная сторона ее воинственности. Народы с высокоразвитой воинской культурой имели в наличии большой арсенал разработанных механизмов миротворчества».¹⁷⁴

«Где есть опасность, – объясняет Гельдерлин, – там возникает и спасительное».

Кто не владеет этим спасительным, тот подвергает свою жизнь серьезной опасности. По словам Броневского, на которого ссылается Мирзоев «черкесы грубых и ругательных слов не терпят; в противном случае князя и уздени равных себе вызывают на поединок, а незнатного человека нижней степени или простолюдина убивают на месте».¹⁷⁵

Цветов, хорошо знавший японскую вежливость, соглашается с Кипплингом, который писал, что «болезненная вежливость японцев ведет начало от широко распространенной и приметной привычки носить мечи».¹⁷⁶

Эту идею Кипплинга расценивают, как шутку. Но я думаю, Кипплинг, скорее всего, не шутил. Нитобэ с Норманом в своей книге о самураях рассказывают историю, которая подтверждает, что Кипплинг просто хорошо знал, о чем говорил.

Один добропорядочный горожанин «обратил внимание буси на то, что у того по спине скачет блоха, и тут же пал, разрубленный надвое самурайским мечом».

¹⁷³ М. Барцыц «Традиции войны и мира на Кавказе»

¹⁷⁴ М. Барцыц «Традиции войны и мира на Кавказе»

¹⁷⁵ М. Барцыц «Традиции войны и мира на Кавказе»

¹⁷⁶ Р. Кипплинг «От моря до моря»

Нитобэ с Норманом говорят, что горожанин «нанес непростительное оскорбление благородному воину, отождествив его со зверем».

Этот буси, судя по всему, имел дурную человеческую привычку додумывать за других – это называется логическим мышлением – и рассудил просто: если блохи живут на животных, значит горожанин, хотя и по-японски деликатно, дал ему понять, что он скотина.

Так вот, вежливость тоже отражает иерархические отношения в обществе.

Японская вежливость, пишет Цветов, «это улица с односторонним движением», она распространяется «не по горизонтали, а по вертикали, причем лишь в одном направлении – снизу вверх».¹⁷⁷

Алпатов рассказывает, что в японском языке существует много слов и словоформ, которые передают разные степени вежливости.

И эта система «грамматических и лексических форм вежливости позволяет детально и дифференцированно передавать многообразные социальные отношения», «указывать на социальные различия».

«В самом общем виде, – пишет Алпатов, – социальные противопоставления, значимые для выбора форм, сводятся к двум: «высший – низший» и «свой – чужой».

Противопоставление «высший – низший» связано с иерархическими отношениями в обществе. Вежливые формы применяются к постоянно высшим по своему социальному положению, к лицам, которые занимают высшее положение временно и к старшим.

И именно из-за сложности иерархических отношений, японцу бывает сложно выбрать соответствующую форму вежливости.

Человек, к которому обращается японец, может быть, например, младше его возрастом, но выше по социальному по-

¹⁷⁷ В. Цветов. Пятнадцатый камень сада Рёандзи.

ложению, или, наоборот, старше возрастом, но ниже по положению в обществе.

«Японцу, который должен непреклонно считаться с этой довольно сложной и противоречивой иерархией, – пишет Холодович, – каждый раз приходится решать задачу на предпочтении иерархических признаков».¹⁷⁸

Правда, по словам Сатико, эта сложность довольно легко устраняется. При выборе форм, которые передают отношение к собеседнику, самым значимым становится положение человека, которое он занимает временно.

«К полицейскому или врачу, – говорит Сатико, – обращаются вежливо даже в том случае, если говорящий старше или социально выше».

Это связано с тем, что полицейский или врач обладают реальной властью над любым человеком. Полицейский олицетворяет власть государства, и в каком-то смысле он воспринимается так же, как высшее лицо в государстве. А врач властен над жизнью и смертью человека.

Рассказывают про необыкновенную японскую вежливость в сфере обслуживания. Японские продавцы, кассиры, служащие банков и железных дорог всегда подчеркнуто вежливы и часто употребляют сверхвежливые формы обращения, которые в других ситуациях почти не употребляются.

Это связано с тем, что «покупка, вклад денег в банк, проезд на транспорте и прочее рассматриваются в японском обществе как одолжение со стороны клиента, который волен платить или не платить».¹⁷⁹

«Общение между покупателем и продавцом, – пишет Звягин, – подсознательно воспринимается японцами как некое социальное драматическое действо, в котором первый исполняет роль господина, а второй – слуги».¹⁸⁰

Что касается различий в возрасте, то при одинаковом со-

¹⁷⁸ В. Алпатов «Япония: язык и общество»

¹⁷⁹ В. Алпатов «Япония: язык и общество»

¹⁸⁰ Ф. Звягин «Анализ актуального употребления категорий вежливости японского языка»

циальном положении, вежливо обращаются к старшим и невежливо к младшим.¹⁸¹ Это правило соблюдают даже школьники и студенты. В Японии к старшеклассникам и старшекурсникам ученики младших классов и курсов обращаются исключительно в вежливой форме.

По словам Цветова одна стюардесса, летавшая рейсами из Японии в США, безошибочно определяла наиболее влиятельных и важных японцев.

«Его сажают к окну, – пишет Цветов, – принадлежащий боссу портфель несет кто-нибудь другой, босс кланяется только после того, как поклонятся ему».

Другой знакомый Цветова, «владелец ресторана, популярного среди бизнесменов», тоже никогда не терялся в догадках, кто среди его посетителей самый главный, кто ступенькой ниже, а кто в служебной иерархии ниже всех.

«Я узнаю субординацию, – говорил владелец ресторана, – по манере их обращения друг к другу. Манера обращения выявляет даже такую маленькую разницу, как старшинство одного над другим всего на год».

Кроме внешних проявлений вежливости, судить о месте японцев в табели о рангах «позволяет система личных местоимений, специальные формы глаголов, которые употребляются строго в зависимости от разницы в служебном или общественном положении собеседников».¹⁸²

Формы вежливости существуют во многих языках. Это «языковые средства выражения разного рода социальных отношений между говорящим, его собеседником и людьми, о которых идет речь».¹⁸³

Сильнее, чем у других народов, эти средства развиты у японцев.

В японском языке, пишет Алпатов, существуют не только

¹⁸¹ Это, конечно, не значит, что к младшим старшие относятся недоброжелательно.

¹⁸² В. Цветов «Пятнадцатый камень сада Рёандзи».

¹⁸³ В. Алпатов «Япония: язык и общество».

лексические, но и грамматические формы вежливости и соблюдается «большая строгость социальных правил употребления тех или иных слов и грамматических форм».

Одно только повелительное наклонение глагола имеет не меньше десяти форм, отражающих разную степень вежливости в зависимости от социального положения человека, к которому обращается говорящий.

Это может быть очень грубая форма, свойственная лозунгам и приказам; менее грубая; форма со смягченной грубостью; фамильярная форма; стандартная вежливая форма; сверхвежливая и подобострастная формы.

«Система грамматических и лексических форм вежливости японского языка позволяет детально и дифференцированно передавать многообразные социальные отношения, – пишет Алпатов. – Количество языковых средств, способных указывать на социальные различия в японском языке очень велико».

5.4. Что такое честь

Забота о чести и собственном достоинстве, это тоже забота об иерархическом ранге, хотя немало людей думают, что человек чести заботится о благосклонности общественного мнения.

Тот, кто боится прослыть трусом, отказавшись от дуэли, не знает, в чем состоит настоящее мужество, пишет в свой папсториали против дуэлей Папа Лев Тринадцатый. Долг мужества, учит понтифик, измеряется не ложными мнениями толпы, а «вечными нормами честности и справедливости».

«Еще языческие философы, – пишет он, – и знали, и учили, что муж отважный и стойкий должен с презрением отвергать неверные суждения масс».¹⁸⁴

На самом деле человеку не так уж и важно, что о нем думают, ему важно, как к нему относятся, какое место в обществе он занимает.

Человек, который утрачивает честь, утрачивает свой вы-

¹⁸⁴ Папа Лев XIII «О нравственной оценке дуэлей»

сокий или равный с другими иерархический ранг. С ним обращаются, как с человеком, который опустился в самый низ иерархии.

Такой человек, говорит Бентам, «не может идти рядом с другими людьми и требовать себе такого же уважения».

«Этот человек, – пишет он, – раб всех, кому вздумается его поработить».¹⁸⁵

И, подумав, говорит еще уничижительней:

«Он ниже всякого раба, потому что несчастье раба есть положение вынужденное, о котором сожалеют, а его унижение зависит только от ничтожества его характера».

Так и греки считали, что раб отличается от свободного тем, что свободный мог сложить голову за свое достоинство, а раб не мог. По этому поводу цитируют Гераклита, который писал, что «война одних творит рабами, других – свободными».¹⁸⁶

О том, что забота о чести, это забота об иерархическом ранге можно судить и по отношению человека к прелюбодеянию.

Прелюбодеяние жены, как известно, оскорбляет честь мужчины. И мужчина мстит своему сопернику.

Почему он это делает?

Принято считать, что связь мужчины с замужней женщиной, это покушение на собственность мужа. Поэтому прелюбодеяние, как думают не одни энциклопедисты Брокгауз и Ефрон, «сближалось с имущественными посягательствами».¹⁸⁷

Это должно означать, что в случаях, когда жена не была вещной собственностью мужа, у мужа и законодателя отсутствовало право преследовать ее и любовника за прелюбодеяние.

Но древние законодатели не следовали этой логике.

В римской патриархальной семье жена, действительно, была собственностью мужа наравне с другими вещами.

¹⁸⁵ И. Бентам «Основные начала уголовного кодекса»

¹⁸⁶ Гераклит Эфесский «О природе»

¹⁸⁷ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона

Права собственности на супругу подкреплялись еще и тем, что домохозяин покупал жену, как вещь, а сам обряд заключения брака сводился к процедуре торжественной передачи собственности новому владельцу.

Юридически муж в патриархальной римской семье был господином над личностью жены. Он мог продать ее в рабство и имел ничем не ограниченное право наказания.

Постепенно эту форму семьи сменил брак *sine mani*, который возник из формы простого брачного сожительства. Эта форма брака делала жену самостоятельной и независимой от мужа, и муж не имел над женой никакой дисциплинарной власти.

Другими стали и имущественные отношения.

Имущество мужа и жены составляли две независимые массы. Своим имуществом жена могла пользоваться и распоряжаться, «не испрашивая на то согласия мужа и не отдавая ему никакого отчета».¹⁸⁸

Главное, жена сама не была в этом браке вещью в той массе собственности, которая принадлежала мужу.

Тем не мене, и в эту счастливую для женщин эпоху, не исчезает представление о прелюбодеянии, и о поруганной чести мужа.

В конце старой эры «разврат вне семьи и в семье приобрел ужасающие размеры».¹⁸⁹ Для борьбы с этим развратом за восемнадцать лет до рождения Христа император Август издал несколько законов, в том числе закон, предусматривающий наказание за прелюбодеяние.

Этот закон выражал желание Августа укрепить семью и нравы. И инициатива наказания переходила из рук мужа в руки государства.

Право возбуждения дела по обвинению в прелюбодеянии принадлежало мужу и отцу прелюбодейки. Если они не подавали иск, через шестьдесят дней, его мог подать любой гражданин

¹⁸⁸ И. Покровский «История Римского права»

¹⁸⁹ И. Покровский «История Римского права»

империи не моложе двадцати пяти лет.

В случае прелюбодеяния преимущественным правом самосуда по этому закону пользовался отец жены. Ему было позволено убить любовника дочери, а затем убить и дочь. И убийство не ставилось ему в вину. Если он убивал только любовника, а дочь оставлял в живых, он подлежал обвинению в убийстве.

Римские юристы отдавали первоочередное право отцу, чтобы обуздать «горячность и порыв легкого на решения мужа», потому что Август, хорошо понимал, что, даже не обладая правом собственности на жену, муж захочет с ней расправиться.

Обманутый муж мог по этому закону убить любовника. Правда, в том только случае, если захватил его в своем доме, и если любовник был запятнан бесчестьем – был сводником, актером или занимался каким-нибудь другим постыдным делом.

Жену обманутому мужу убивать не дозволялось, хотя сам повод к убийству рассматривался, как смягчающее вину обстоятельство, и за убийство мужем неверной жены карали не смертью, а только ссылкой.

Все это показывает, что наказание за прелюбодеяние не связано с правом собственности.

И ветхозаветные иудеи, от которых преследование за прелюбодейство перешло к христианам, по всей видимости, не ставили прелюбодеяние в один ряд с преступлениями против собственности.

В других случаях, когда иудей пользовался чужой собственностью для удовлетворения своих потребностей, против него судебное преследование не возбуждалось.

«Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, – говорит Второзаконие, – можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд твой не клади».¹⁹⁰

Свет в эту тьму, как бы сказал Фрейд, вносят среднеассирийские законы и законы Хаммурапи.

В разделе о семейных отношениях среднеассирийского

¹⁹⁰ Второзаконие, 23:24

законодательства предусматривается наказание не только за прелюбодеяние, но и за ложное обвинение в прелюбодеянии.

Если человек сказал равному, что его жену все имеют, но не смог доказать обвинения, он должен был получить сорок палочных ударов, месяц отработать на царских работах и уплатить один талант олова. Кроме этих наказаний его должно было заклеить.

В следующем параграфе предусматривается наказание за ложное обвинение в мужеложстве. Если обвинитель не мог доказать, что мужчину имели, его били палками, заставляли месяц работать у царя и заплатить талант олова.

В обоих случаях клеветника не интересует сохранность собственности другого мужчины. Он хочет унижить его честь, и для этого говорит, что его жена прелюбодействует или его самого используют как женщину.

За ложное обвинение в прелюбодеянии чужой жены или жрицы предусматривалось наказание и в законах Хаммурапи.

«Если, – говорит Хаммурапи, – человек указал пальцем на энтум¹⁹¹ или жену другого человека, но не уличил ее, то этого человека должно избить перед судьями и половину его головы должно обрить».¹⁹²

Половину головы обривали при обращении в рабство. Комментаторы считают, что Хаммурапи имел в виду только символический смысл этой унижительной процедуры, но и этого было достаточно, чтобы искупить унижение, которое он замышлял.

Одним словом, древний законодатель, предусматривая наказание за прелюбодеяние, имел в виду не кражу чужого имущества, а покушение на честь обманутого мужа, покушение на его иерархический ранг.

Половое поведение, и это хорошо известно, связано с поведением иерархическим. Это настолько тесная связь, что у животных его рассматривают не как два отдельных вида поведения, а как одно – социально-половое.

¹⁹¹ Шумеро-аккадская жрица, участница обряда «священного брака»

¹⁹² Законы Хаммурапи

Иерархический ранг животного обнаруживается во время брачных сражений, и до следующего сезона никем обычно не оспаривается.

Так же хорошо известно, что кастрированные животные всегда проигрывают в борьбе за превосходство, даже если они гораздо сильнее своих соперников.

Заводчики, которые разводят кошек, говорят, что на вершине иерархической лестницы всегда стоит некастрированный кот.

Кастрирование животных, пишут специалисты по разведению кошек, приводит к значительным изменениям на иерархической лестнице. Кастрированный кот переходит на более низкую ее ступеньку.

Об этой связи полового поведения и места в иерархии было хорошо известно древним народам. Поэтому в мифах сыновья не убивают своего отца, как думает, например, Фрейд, а кастрируют, и это становится самой надежной гарантией, что отец уже никогда не сможет вернуться к власти.

Баал-Шамем был неверен своей жене, которая болезненно переносила измены своего мужа. Один из сыновей Баал-Шамема по имени Эл решил отомстить отцу за оскорбленную мать, и лишил его власти.

Баал-Шамем несколько раз пытался вернуть власть, пока Эл его не оскотил, после чего Баал-Шамем окончательно потерял возможность возвращения власти.

Точно так же и в греческой мифологии Крон приводит к власти братьев-титанов, оскотив своего отца Урана.

Каждый мужчина бессознательно склонен рассматривать любовь женщины, как признание того превосходства над людьми, которым он обладает или сам себе приписывает. Прелюбодейка отзывает назад это признание, и ставит обманутого мужа ниже своего любовника.

Вот, собственно, причина того животного страдания, которое испытывает обманутый муж или жена, и которая толкает человека на самые безрассудные поступки. Это страдание, чем

бы на первый взгляд оно не казалось, есть переживание, связанное с потерей иерархического ранга.

В структуре этого переживания есть чувство стыда, связанного с нежеланием обнаружить свою слабость, чувство неполноценности, страх унижения. Ревнивец обнаруживает чрезмерную амбициозность и уязвленное самолюбие.

«Анализируя скрытые мотивы ненависти, мести и самобичевания, – пишет Куттер о последствиях ревности, – приходишь к выводу, что в подавляющем большинстве случаев решающее значение имеет уязвленное чувство собственного достоинства».¹⁹³

Положение бесчестного человека состоит не столько в том, что каждому позволено его шпынять, сколько в том, что ему не позволено обходиться с остальными, как с равными или нижестоящими, как это делают люди с высоким иерархическим рангом.

По дуэльному кодексу, например, поединок с человеком, который утратил честь, недопустим так же, как недопустим с «лицами неравного происхождения».

«Если это лицо нанесет оскорбление другому, – говорится в дуэльном кодексе, – то последнее вправе не требовать от оскорбителя удовлетворения, а обратиться к суду», потому что «дуэль может и должна происходить только между равными».¹⁹⁴

Поэтому люди чести идут на любые жертвы, чтобы не утратить или восстановить свой иерархический ранг.

В эпоху русского местничества чины давались по наследственному иерархическому рангу, и если чин был ниже наследственного ранга, это считалось бесчестьем.

Бывало, царь посылал на службу двух своих подданных, одного начальником, другого – подчиненным, товарищем другого. И были случаи, когда товарищ «породою своею и честью» был не меньше начальника, и отказывался ехать.

Тогда царь приказывал по старым записным книгам про-

¹⁹³ П. Куттер «Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей»

¹⁹⁴ В. Дурасов «Дуэльный Кодекс»

вести сыск, «кто каков есть честью, кому с кем быти по сыску мочно, и тому быти» велели «без упорства».¹⁹⁵ А кому «быти для ровности не мочно», того отставляли и велели «быти иному, кому мочно».

Чтобы не потерять честь, иные «учинялись нарочным делом болны, чтоб тою приметною болезнью тое службы избыть». Котошихин пишет, что «иные такие люди с сердца прикинувся в болезнь» даже не «нарочным делом» умирали, «не хотя роду своего перед другим родом обесчестить».¹⁹⁶

Так же и за столом у государя садились по чину своему «боярин под боярином, околничей под околничим и под боярами, думной человек под думным человеком и под околничими и под боярами». А кто кому был равен породю, те друг под друга не садились. Таких царь велел посадить силою, а они посадить себя не давали и «выбивались из-за стола вон».

«Хотя де, – рассказывает Котошихин, – царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть» и спустится под стол; и царь укажет его вывести вон и послать в тюрьму, или до указу к себе на очи пущати не велит».¹⁹⁷

После за слушание, пишет Котошихин, «отнимаетца у них честь, боярство, или околничество и думное дворянство».

Люди дрались на дуэлях даже тогда, когда исход поединка угрожал не только их жизни, но и жизни близких людей. Вот, что рассказывает Руа о поединке между рыцарями Жаном Каружем, владельцем Аргентейля, и Жаком Легри, который состоялся в царствование Карла II в 1386 году.¹⁹⁸

Супруга Каружа, рассказывает Руа, пожаловалась мужу, что ее оскорбил рыцарь Жак Легри. Каруж обратился к королю, и король разрешил Каружу драться с Легри.

Перед дуэлью Каруж в последний раз подошел к жене и спросил правое ли дело, за которое он будет драться. Жена

¹⁹⁵ Котошихин «Русская история»

¹⁹⁶ Котошихин «Русская история»

¹⁹⁷ Котошихин «Русская история»

¹⁹⁸ Жан Жак Руа «История рыцарства»

сказала, что он может биться с уверенностью, потому что дело – правое.

Но «она была чрезвычайно печальна». Если муж не победит «ей угрожал костер, а мужу виселица».

Жан де Каруж опрокинул на землю обидчика жены и пронзил его мечом. Труп Легри отдали палачу. Палач поволок его на Монтфокон и там повесил.

О том, что восстановление чести, это восстановление иерархического ранга, говорят и примеры из международных отношений. Собственно говоря, при наличии международного права, отношения государств носят преимущественно этический, а не правовой характер.¹⁹⁹

Так, например, когда турецкий султан в 1853 году решил передать ключ от Вифлеемского храма католикам, император Николай – покровитель православных в Турции и Палестине – воспринял это решение, как покушение на честь России.

Султан, желая передать эту «ничтожную вещь» католикам, показывал, что Франция, которой он хотел угодить, в иерархии государств стоит выше России, и что с мнением русского государя можно не считаться.

В ответ в том же 1853 году русские войска оккупировали Дунайские княжества. Наполеон Третий «в совершенно ясных выражениях» предложил России вывести войска с Дуная, на что Николай высокомерно ответил, что это «равносильно требованию обесчестить себя и что «Россия сумеет показать себя в 1854 такой же, какой она была в 1812».²⁰⁰

На следующий год на конференции в Вене России предлагают ограничить морские силы на Черном море, как будто речь идет о государстве, которому безнаказанно можно диктовать условия. Горчаков от имени государства снова выражается в этических категориях – Россия не позволит себя обесчестить.

¹⁹⁹ Вот место из Монтескье, где он сравнивает этику с международным правом. «Применение судебного поединка представляло ту выгоду, что оно могло вернуть в сферу гражданских отношений людей, которые признавали только международное право».

²⁰⁰ Н. Данилевский «Россия и Европа»

В этих случаях, речь каждый раз идет о покушении на положение России в иерархии Европейских государств, и каждый раз покушение на иерархический ранг рассматривается русскими, как покушение на честь государства.

И вот, что еще нужно иметь в виду.

Когда заводится речь о власти в связи с этическими отношениями, подразумевается не государственная власть, не превосходство одних людей над другими, предусмотренное табелью о рангах и штатным расписанием учреждения или предприятия. Речь идет о естественном неравенстве людей и о естественном превосходстве одних над другими.

Из того, например, что Нерон был императором, не следует, что он писал стихи лучше Катулла. И никакой государственный аппарат насилия, не мог помочь Нерону подняться выше Катулла на литературном поприще.

В литературе приводится случай, который произошел с Петром Столыпиным.

После первой русской революции он ввел военно-полевые суды, и, подразумевая виселицу, депутат Государственной думы Родичев, критикуя правительство, употребил выражение «столыпинский галстук» и «руками сделал жест завязывания петли на шее».²⁰¹

Министры покинули зал заседаний, а Столыпин прислал к Родичеву своих секундентов. Дело, правда, уладил Милюков. Он посоветовал Родичеву извиниться перед Столыпиным. Тот извинился, и Столыпин его простил.

Этот случай показывает, что государственная власть совершенно беспомощна там, где требуется защищать честь. Столыпин мог оставаться самым могущественным человеком в Российской империи, но чувствовать, что находится во власти других людей.

Эйдельман рассказывает историю, как тамбовский дворянин Сыщиков вызвал на дуэль Николая Первого.

Сыщиков прислал императору письмо, в котором высмеи-

²⁰¹ П. Милюков «Воспоминания»

вал самодержавие.

После критики царского режима, дворянин стал рассуждать, что теперь государь велит с ним расправиться. Он натравит многих на одного. Но это «не хорошо для рыцаря и дворянина».

«Посему, – писал Сыщиков, – предлагаю добрый древний обычай – поединок».²⁰²

«В дуэли, – писал этот наглец государю, – много мерзости, но есть одно, может быть, перевешивающее все другое – право свободного человека решать свои дела самому, без всяких посредников.

В вашей стране имеется неподвластная вам территория – моя душа. Одно из двух: либо признайте свободу этой территории, ее право на независимость, либо сразитесь за свои права, которых я не признаю.

Если вы сразитесь и проиграете, я диктую условия, если одолеете, я готов признать ваше право надо мною, потому что вы его завоевали в честной борьбе, рискуя за это право наравне со мною».²⁰³

Сыщикова нашли и доставили к императору.

«Могу и на виселицу тебя, и в крепость, и в солдаты, и в Сибирь – все заслужил, – сказал император дворянину. – Но, ты останешься в убеждении, что, какое бы я тебе ни назначил наказание, души твоей мне не завоевать. Приказываю: иди и живи. Ты свободен».²⁰⁴

Так, по крайней мере, сам Николай описывает этот случай в письме к Паскевичу-Эриванскому.

В самом деле, и в Тамбовской деревне встречаются люди доблестные, а на троне – малодушные. И тот, кто занимает самую высокую должность в государстве, может иметь самый низкий иерархический ранг в естественной иерархии людей.

Бердяев поэтому и говорит, что «аристократия не есть со-

²⁰² А. Кацура «Дуэль в истории России»

²⁰³ А. Кацура «Дуэль в истории России»

²⁰⁴ А. Кацура «Дуэль в истории России»

словие или класс», что «аристократический склад души может быть и у чернорабочего, в то время как дворянин может быть хамом».²⁰⁵

5.5. Стремление к превосходству

Так вот, Адлер говорит, что агрессия служит для достижения власти и превосходства.

Как это нужно понимать?

Адлера не все понимают правильно.

Чаще всего его идеи понимают, как заложенную в природе человека жажду заставлять людей делать то, чего они не хотят, жажду подчинять других своей воле и жажду возвыситься над другими людьми или даже над всем человечеством.

Один биограф начинает рассказ о Билле Гейтсе прямо с имени основоположника индивидуальной психологии.

«Альфред Адлер сказал, что преуспевающих людей ведет по жизни стремление к превосходству, – пишет биограф. – Билл Гейтс, является олицетворением адлеровского портрета преуспевающей личности».²⁰⁶

Конкуренты «Майкрософта» говорили корреспонденту «Лос-Анджелес Тайм», что «Билл Гейтс хочет одержать победу во всем, что бы ни делал». По словам других журналистов, Гейтс «питается победами».

Правда, сам Гейтс признается, что просто боится потерпеть поражение.

Судя по всему, это признание Гейтса биографы и журналисты списывают на счет его личной скромности. Хотя именно в этом страхе Гейтса и скрывается природа того явления, которое подробнее и глубже других описал Адлер.

Мне кажется, что и Мадди не понимал Адлера. Иначе, как понимать его слова, что у основоположника индивидуальной психологии «все люди стремятся к повышению, а не к снижению напряжения», что они не стремятся к миру и покою.²⁰⁷

²⁰⁵ Н. «Философия неравенства»

²⁰⁶ Д. Ландрам «Тридцать мужчин, которые изменили мир»

²⁰⁷ С. Мадди «Теории личности. Сравнительный анализ»

На самом деле стремление к превосходству, это как раз и есть движение к миру, покою и безопасности. И мир, и покой, и безопасность дает только высокий иерархический ранг.

Генерал Микулин собрал данные о дуэлях с 1894 по 1910 годы. За это время на честь подпоручиков и прапорщиков покушались триста шестьдесят семь раз. Капитаны и штабс-капитаны выходили на дуэль сто восемьдесят семь раз. Штаб-офицеры – четырнадцать. А генералы только четыре раза.

Стремление к превосходству, если говорить только о природе человека, а не о его культуре, существует не для того, чтобы «захватить все вокруг»²⁰⁸ и стать каким-нибудь повелителем народов.

В природе, не обремененной культурными ценностями человека, не встречается преднамеренный захват власти. Никто не проявляет интереса даже к бесхозной власти, если в ней нет специальной необходимости.

Хороший пример действительного отношения к власти показывают тетерева во время токования.

На току каждый тетерев занимает свой собственный участок. Самые выгодные участки находятся в центре токовища. Именно туда приходят самки, и именно там токует доминирующие самцы.

Все, кто лепится вокруг центральных участков, стараются исполнять свой брачный танец у той границы, которая ближе всего к центру токовища. И поскольку так поступают все тетерева, то им приходится драться с соседями, которые подпирают границу на противоположной стороне участка. Всем кажется, что нижестоящие соседи намереваются вторгнуться на их территорию.

В результате «тетерева атакуют своих соседей, удалённых от центрального участка, чаще, чем самцов, находящихся ближе к центру».²⁰⁹ Другими словами агрессия, по крайней мере, у тетеревов, направлена сверху вниз.

²⁰⁸ К. Хорни «Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление»

²⁰⁹ Неизвестный автор «Брачное поведение тетерева»

Можно, конечно, предположить, что давление сверху мешает животным добиваться превосходства, но не отменяет самого желания превосходства и власти.

Но наблюдения за тетеревами показывают, что, по крайней мере, их не мучает жажда превосходства. Они передвигаются к центру токовища и повышают свой иерархический ранг «просто в результате заполнения образующихся вакансий».²¹⁰

Ежегодная смертность самцов доходит до пятидесяти процентов, и весной появляется много свободных участков, расположенных недалеко от центра токовища.

И, по словам орнитологов, не редкость, когда «в первый день никто из соседей не предпринимает серьезных попыток вторжения на освободившийся участок».

Только через день-два «периферийный сосед начинает расширять зону своей активности» и занимает вакантное место на току.

Пропустя говоря, самец мгновенно реагирует на нижестоящего соседа, который только приблизился к границе его участка, но не торопится занимать лучший участок, когда ему представляется такая возможность.

Мало того, иногда он даже игнорирует «освободившуюся территорию и остается на своем месте».²¹¹

Животные движутся от минуса к плюсу, не потому, что нападают, а потому, что защищаются, и превосходство одних над другими состоит не в том, что они ставят задачу взять верх, а потому что, защищаясь, они обнаруживают свое физическое превосходство.

Случай, описанный Лавиком-Гудоллом,²¹² это стандартная для животных схема приобретения власти.

Лавик-Гудолл шесть лет наблюдал за поведением гиеновых собак из стаи Чингисхана. В этой стае было несколько самок. Доминировала Ведьма. За ней стояла Черная Фея. Потом шла

²¹⁰ Неизвестный автор «Брачное поведение тетерева»

²¹¹ Неизвестный автор «Брачное поведение тетерева»

²¹² Джейни Гуго ван Лавик-Гудолл «Невинные убийцы»

Лилия. И на самом последнем месте в самой иерархии была Юнона.

И вот однажды Лавик-Гудолл стал свидетелем, как Юнона переместилась вверх иерархии.

Нездолго до этого события Гудолл заметил, что «между Черной Феей и Желтым Дьяволом возникла какая-то странная близость». Собаки – рассказывает он – постоянно бежали бок о бок, сворачивались на земле рядышком друг с другом, и Желтый Дьявол метил те же куртинки трав, что и Черная Фея.

И вот, как-то «Юнона, проходя мимо Желтого Дьявола, приостановилась, и он попытался ее лизнуть». Черная Фея решила, что низкоранговая самка грубо попирает ее иерархическое право на Желтого Дьявола, и «мертвой хваткой вцепилась в горло Юноны».

Юнона вывернулась и тоже запустила зубы в горло Черной Фее, так, что «кровь потекла в пасть Юноны и закапала на землю». Фея стала слабеть, потом внезапно «испустила душераздирающий вопль и свалилась на землю, а Юнона разжала зубы и стояла, задыхаясь, над неподвижным телом».

Лавик-Гудолл был уверен, что Черная Фея мертва. Но секунду спустя она приподняла голову. «Юнона, – рассказывает Гудолл, – бросилась к ней и Черная Фея застыла, как мертвая».

Так повторялось несколько раз, пока Юнона не «позволила бедняге встать на ноги».

«Тут уж Черная Фея сама себя превзошла, проявляя полную покорность, – пишет Лавик-Гудолл, – она лизала губы и пасть Юноны, виляя хвостом и прижимая уши, растягивала губы в угодливой улыбке».

Гудолл снова встретил стаю Чингисхана через полтора месяца. Юнона занимала уже второе место в иерархии самок, то место, которое раньше принадлежало Черной Фее.

Одним словом, животные показывают повышенную готовность защищаться, и не проявляют ни малейшей склонности захватывать власть над сородичами.

Человек в этом смысле мало чем отличается от животных.

Поэтому Адлер говорит, что комплекс превосходства, это защитная тенденция, и она только «со стороны воспринимается, как тенденция захватническая».²¹³

От чего же защищается человек и что он защищает?

Адлер не считает, что невротик, как, между прочим, и здоровый человек, хочет победить общество и навязать окружающим свою власть, он говорит, что невротик хочет одержать «победу над принуждением со стороны общества».²¹⁴

В чем, спрашивает он, выражается «достижение власти над ближним» у невротиков? В том что «невротик значительно сильнее, чем нормальный человек» отвергает «принуждение, требования окружающих и обязанности перед обществом».²¹⁵

Один пациент Адлера в детстве испытывал «чрезвычайно сильное давление со стороны окружавших его людей». Из-за этого у молодого человека «сформировался образ крайне враждебного внешнего мира».

«Все требования окружения, – рассказывает Адлер, – он воспринимал как невыносимое принуждение».

В конце концов, пациент развил «трансцендентальную аффективную идею, будто он является единственным живым существом, а все остальное, особенно люди, – только видимость».

Адлер говорит, что пациент таким образом «осуществил свое стремление к власти». Попросту говоря, он избавился от власти общества, как бы исключив общество из своего сознания.

Стало быть, можно сказать и по-другому: путеводный идеал человечества, это не стремление к власти и превосходству, а стремление избавиться от чужой власти и чужого превосходства.

«Властолюбие, – пишет Адлер, – начинается со страха оказаться во власти других людей и стремится к тому, чтобы забла-

213 А. Адлер «Практика и теория индивидуальной психологии»

214 Психически здоровые люди хотят того же, чего и невротики, только «невротик значительно сильнее, чем нормальный человек» отвергает «принуждение, требования окружающих и обязанности перед обществом».

215 А. Адлер «Практика и теория индивидуальной психологии»

говременно захватить власть над другими в свою пользу».²¹⁶

Это означает, что потребность во власти появляется у человека не потому, что он хочет испытать удовольствие от господства, а тогда, когда он становится объектом чужой власти и произвола и испытывает от этого неудовольствие.

И в надежде избавиться от этого неудовольствия, люди испытывают потребность в могуществе, желание мстить, наказывать, подавлять тех, кто их обижает, водворять справедливость и осуществлять возмездие.

Не случайно по результатам общенационального исследования, проведенного Вероффом, была установлена повышенная потребность во власти «у людей с минимальными доходами, низким образовательным уровнем, выросших в распавшихся семьях, у цветных, а также у вдовцов старше пятидесяти лет».²¹⁷

Это как раз те люди, которые чаще других подвергаются произволу власти и давлению окружающих. И они сильнее других хотят власти, чтобы защититься от власти других людей.

Правда, стремление к власти и превосходству имеет двусмысленную природу. Эта двусмысленность состоит в том, что никогда нельзя однозначно сказать, к чему человек стремится на самом деле: к власти или к свободе от чужой власти, потому что, стремясь к свободе, он в то же время стремится к власти, а, стремясь к власти, он стремится к свободе.

Тут, конечно, нет никакого внутреннего противоречия, потому что свобода, это и есть власть. Чтобы получить свободу, нужно узурпировать власть. Только тот, кто имеет власть, может быть свободным, и только тот, кто свободен, имеет власть.

Обе эти категории – власть и свобода – выражают положение человека в иерархии, его иерархический ранг. Можно еще сказать, что иерархический ранг человека, это мера его свободы и власти. Он имеет власть и свободу над теми и от тех, кто стоит внизу, и находится в зависимости от тех, кто выше его.

Похожая мысль попадалась мне у одного анонимного авто-

²¹⁶ А. Адлер «Практика и теория индивидуальной психологии»

²¹⁷ По Хекхаузену «Мотивация и деятельность»

ра. Они пишут, что жажда свободы и власти «почти тождественны и параллельны» и, что «достижение все большей власти – это единственный путь к все большей свободе».

Он, правда, не знает, что делать с отшельничеством, и говорит, что люди становятся отшельниками, чтобы приобрести власть хотя бы над самими собой.

Но эскапизм как раз и показывает, что человеку не нужна власть сама по себе, что ему нужна свобода. И он борется за власть, чтобы приобрести свободу, или приобретает свободу, убегая от действительности.

Стало быть, покушение на власть и свободу, это покушение на иерархический ранг, и адлеровская «попытка преодолеть чувство своей недостаточности, незащищенности, слабости», есть переживание низкого иерархического ранга и стремление избавиться от этого мучительного переживания.

Таким образом, вечный страх проиграть, потерять свободу и оказаться внизу иерархической пирамиды, эта неубывающая и мучительная забота об иерархическом ранге и есть тот внутренний импульс нравственного поведения, который так давно ищет моральная философия.

Правда, например, Кант в отличие от других мыслителей считал, что инстинкты не могут быть движущей силой нравственного поведения. Главный их недостаток состоит в том, что они слишком зависимы от настроения и игры природы.

Добросердечный человек может оказаться в дурном расположении духа, и никакая врожденная склонность уже не побудит его к добродетели. Еще хуже, когда природа вложила в человека черствую душу, которую ничто не может принудить к нравственным поступкам.

Только чувство долга, говорит Кант, может вырваться из этой бесчувственности, из этого плена человеческих прихотей, и заставить человека совершить благодеяние даже тогда, когда он к этому не расположен.

Именно поэтому Кант на роль внутреннего двигателя нравственных поступков выдвигает разум. Он, по-моему, спра-

ведливо рассудил, что разум человеку особенно-то и не нужен. Для самосохранения и успеха, рассуждает Кант, достаточно простых инстинктов, которые с этими задачами справляются гораздо лучше разума.

В самом деле, чем настойчивее разум вмешивается в дела инстинктов, тем реже человек чувствует себя счастливым. Многие, пишет Кант, находят, что, полагаясь на разум «навязали себе на шею только больше тягот, а никак не выиграли в счастье».²¹⁸

Кто-нибудь поверхностный мог бы сделать вывод, что разум, это досадное недоразумение человеческой природы. Но Кант в самом существовании разума увидел указание на какую-то более достойную цель существования. Эта-то цель и состоит в том, что человеку должно заботиться не о собственном благополучии, а о благополучии других людей.

Это обычное дело, когда человек не может устроить собственное счастье и знает, как сделать счастливыми других.

Но Кант, когда писал об инстинктах, имел в виду несуществующую склонность человека творить добрые дела. Именно поэтому он и говорит, что у одних может пропасть охота к добродетели из-за плохого настроения, другие могут не иметь этой склонности от природы.

Но нет человека, который и инстинктивно, и осмысленно согласился бы добровольно стать рабом другого человека. Человек всегда готов бороться за себя, подчиняясь закону естественного отбора, который не один Эфроимсон, называет «самым могущественным законом живой природы».

6. Миссия Христа

Для христианства и нравственный и безнравственный человек – оба плохи.

Вообще говоря, христианство не интересуют этические отношения. Его интересуют отношения правовые, и поэтому идеал христианства не нравственный человек, а человек смерен-

²¹⁸ И. Кант «Основы метафизики нравственности»

ный, покорный, послушный начальству.

«Послушливый всем благоугоден, – пишет Ефрем Сирин, – всеми восхваляется, всеми прославляется».²¹⁹

Ему приказывают, он не противоречит; делают выговор, он не гневается и «от оскорблений не приходит в воспламенение».²²⁰ Оттого, он «в скорости возвышается, в скорости оказывает успехи», а покуда для возвышения нет вакансий, «на том месте пребывает, куда призван».²²¹

Кого не возьми из христианских писателей, все поучают «покоряться тотчас своему начальнику»²²² по примеру Иисуса Христа.

«Я Всемогущий и Всевышний, – говорит Христос голосом Фомы Кемпийского, – все из ничего создавший, смиренно ради тебя покорился человеку. Ниже всех Я смирил Себя и унизил».

И Фома изливает всю свою ненависть к тем, кто не может «восприять истинное презрение к себе самому» и «отдать себя в чужую волю».²²³

«Учись, – говорит он, – повиноваться, прах, учись смирять себя, земля и тина. Не терпи в себе надменного духа, но яви в себе такую покорность, таким малым поставь себя, чтобы все могли ходить по тебе и как грязь по дороге попирали бы тебя».²²⁴

Ефрем Сирин тоже жалуется на монахов, которые не хотят «поработить себя братиям».

«Если сделали, кому выговор, – пишет Сирин, – почитает он справедливым дать отпор: если дали приказание, делает по-своему».

Молодые, не желая подчиниться, соревнуется с теми, «кто состарился в монашеском образе». В миру эти люди не знали, которая у них правая или левая рука, а, вступив

²¹⁹ Святой Ефрем Сирин. Творения. Т.1

²²⁰ Святой Ефрем Сирин. Творения. Т.1

²²¹ Святой Ефрем Сирин. Творения. Т.1

²²² Фома Кемпийский «О подражании Христу»

²²³ Фома Кемпийский «О подражании Христу»

²²⁴ Фома Кемпийский «О подражании Христу»

в монастырь, они оказываются любителями учености и толковниками.

Христианству хорошо было известно, почему человек плох в том смысле, в каком оно понимает плохое и хорошее в человеке. Этой причиной была склонность человека к соперничеству, стремление к превосходству и власти.

Иисус сообщил ученикам эту великую истину, когда Иаков и Иоанн Зеведеевы захотели быть первыми среди апостолов и сесть по правую и по левую сторону в славе Его.

Услышав просьбу Иакова и Иоанна, рассказывает Марк, десять других апостолов «начали негодовать» на них.

Тогда Иисус позвал своих учеников, и сказал:

«Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом».²²⁵

Иисус сделал для человечества две вещи. Он запретил стремление к превосходству и показал, как должно исполнять эту заповедь.

Воины одели Христа в багряницу, возложили ему на голову терновый венец, «и били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему».

«Других спасал, – смеялся народ, – а Себя Самого не может спасти».

Любой нормальный человек, читающий евангелие, должен испытывать желание, чтобы разверзлись небеса и беспощадная, чудовищная, нечеловеческая сила смяла, раздавила, смешала с землей всех этих книжников и первосвященников, всех этих прокураторов и легионеров, весь этот мир.

Этого требует вся человеческая сущность. Этого требует та сущность, которая и придумала Бога, чтобы было отмщение. Чтобы хоть где-нибудь – если не тут, то там – была справедливость.

²²⁵ Евангелие от Марка

Мухаммед, который считал Иисуса человеком, не мог допустить мысли, чтобы Бог позволил людям убить своего пророка.

«Помни, о Мухаммад! как сказал Аллах: «О Иса! Я упокою тебя и не разрешу никому тебя убить».

«Он не был убит ими и не был распят» – говорит пророк. «Они, – учит Мухаммед, – думали, что убили и распяли самого пророка. На самом деле они убили и распяли другого, похожего на Ису. Аллах вознёс Ису к Себе и спас его от врагов».

Подробности этого чудесного происшествия рассказал Варнава в своем происламском апокрифе.

«Говорю вам, поистине, сказал Иисус ученикам, – один из вас предаст меня подобно тому, как продают овцу. Но горе ему, ведь о совершивших подобное, отец наш Давид сказал: «Упадет в яму тот, кто уготовил ее для других!»

После этого Иуда пошел и предал Иисуса. Иисус вышел в сад, услышал, что идет много народа, и с опасением вернулся в дом.

«Бог, – рассказывает Варнава, – видя опасность, которой подвергается его слуга, приказал своим Ангелам забрать Иисуса из этого мира. Святые Ангелы спустились и забрали Иисуса, пройдя через окно, выходившее на юг. Они вознесли его на третье небо к ангелам».

Иуда ворвался в комнату, и «своей речью и лицом стал похож на Иисуса». И когда в комнату вошли воины, они схватили Иуду, потому что приняли его за Иисуса.

Иуда пытался доказать, что он не Иисус. Пилат предположил, что Иисус потерял разум, и его безбожно казнить. Старейшины и фарисеи кричали, что он «совсем не сумасшедший, а скорее всего хитрый обманщик» и этой уловкой хочет ускользнуть от правосудия.

Иуду привели на Голгофу и распяли нагим. И вот – по словам Варнавы – действительные слова Иуды, умершего вместо Иисуса: «Боже, почему ты оставил меня, ведь злодей сбежал, а меня убивают по ошибке.»

Но на кресте был не Иуда, а самое могущественное существо во вселенной. Он мог уничтожить весь мир, но не покарал даже своих врагов.

В девятом часу, когда стояла «тьма по всей земле, и померкло солнце», и завеса в храме «раздралась надвое», и «земля потряслась», Он закричал с креста: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

И умер.

Только богочеловек мог доказать, что ценность человеческой кротости выше даже Божественного превосходства, что человек кроткий выше Бога всемогущего.

Именно поэтому Он, этот владыка мира, родился в хлеву, жил, как бродяга, служил ученикам, как раб, умер позорной смертью, как изгой и не позвал на помощь «легионы Ангелов».

Книжники, старейшины и фарисеи говорили, если он Царь Иудейский, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в него.

Но он пришел не для того, чтобы уверовали в могущество Бога. Он пришел для того, чтобы уверовали в спасительное могущество человеческой кротости.

Он явился в мир не как моралист, а как законодатель.

При том, что Иисус запрещает не поступки, а движения души, он, по словам Златоуста, вводит свои законы для лучшего исправления гражданского, то есть, юридического устройства общества.²²⁶

Когда Он запрещает, например, гневаться, он «еще более утверждает то, чего требует закон», запрещающий убивать. Ведь тому – рассуждает Златоуст – кто истребляет в себе гнев, гораздо легче удержаться от убийства, чем «имеющему в мыслях только то, чтобы не убивать».

Заповедь «не гневайся» – пишет Златоуст – «есть усовершенствование и подтверждение» заповеди «не убий».

«Первая служит дополнением второй, а потому и важнее ее». Кто обуздывает гнев – говорит Златоуст – тот «не даст

²²⁶ И. Златоуст «Беседы на послание к Римлянам»

воли рукам своим».²²⁷

И здесь Златоуст формулирует главный принцип преобразований Иисуса.

«Корень убийства, есть гнев, – говорит он. – Поэтому, кто исторгает корень, тот, без сомнения, будет отсекаль и ветви, или – лучше – он не даст им и возникнуть».²²⁸

Иудейский закон устрашает против преступления, но оставляет без внимания его причины. Иисус понимает, что у преступления есть причины.

Прелюбодеянию предшествует вожделение, а вожделение появляется, когда мужчина смотрит на женщину. Следовательно, тот, кто не смотрит на женщину, не будет и прелюбодействовать, нарушать гражданский закон, по которому государство преследовало за прелюбодеяния.

Иисус, как законодатель, ограничивает свободу личности и утверждает предел, поставленный свободе воли. Он на первое место ставит не волю личности, как предполагает этика, а волю субъекта верховной власти,²²⁹ как требует право.

И поэтому нет ничего удивительного, что гражданский начальник содействует христианину в его стараниях победить дьявола. Он «делает добродетель более достижимой».²³⁰

«Смотри, – рассуждает Златоуст от имени Павла: – я даю тебе советы относительно целомудрия, и он того же требует по законам; я увещаю тебя, что не должно быть любостыжательным и похищать, и он над тем же поставлен судьей. Таким образом, он наш сотрудник и помощник».²³¹

Христос, пишет Златоуст, «наряду с побуждениями, взятыми от высшего и будущего», от грядущей опасности, устрашает и «тем, что бывает в настоящей жизни» – судом и темницей, начальником, который носит меч.

²²⁷ И. Златоуст «Беседы на послание к Римлянам»

²²⁸ И. Златоуст «Беседы на послание к Римлянам»

²²⁹ В. Ивановский «Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета»

²³⁰ Апостол Павел «К Римлянам»

²³¹ И. Златоуст «Беседы на послание к Римлянам»

Вся христианская этика выражена в Павловом учение о власти: «всякая душа» должна быть покорна «высшим властям; ибо нет власти не от Бога».²³²

Что касается христианской любви, которую Христос называет наиважнейшей заповедью, и которую в этической философии часто отождествляют с альтруизмом, то это совсем не та любовь, какой мать любит своего ребенка. То есть, это не эстетическое чувство, а что-то совсем другое.

Что?

Павел говорит, что любовь, это исполнение закона.

«Любовь, – пишет он римлянам, – не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона».²³³

Из этого стиха можно сделать вывод, что любить, это значит не делать зла.

Из послания к Коринфянам любовь нужно понимать, как долготерпение, милосердие, отсутствие зависти, гордости и зазнайства. Ведь Павел пишет, что «любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится».²³⁴

Так же понимает любовь к ближнему и Левит. Господь в этой книге требует не обижать ближнего, не злословить, не делать неправды на суде, не враждовать, не мстить и не иметь злобы, но любить ближнего.

В «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» повторяется примерно то же определение любви к ближнему. Любить, это не мстить, прощать, не гневаться, быть милосердным, не питать злобу, удерживаться от ссоры, не вносить раздор.

Любить, по премудрому Иисусу, сыну Сирахову, это не раздувать искру.

«Если подуешь на искру, – пишет он, – она разгорится, а если плюнешь на нее, угаснет».²³⁵

И поскольку христианство подразумевает под нравствен-

²³² Апостол Павел «К Римлянам»

²³³ Апостол Павел «К Римлянам»

²³⁴ Кор. 13, 4

²³⁵ Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова

ностью законопослушание, любовь к ближнему, как пишет Лопухин, состоит в том, чтобы «не делать другому гражданину ничего, что было бы нарушением его прав».²³⁶

Гражданин не потому не должен мстить, не питать злобу и тушить искру, что мстить, злиться и раздувать вражду само по себе дурно, а потому что он не имеет полномочий судить и наказывать.

Законодатель вовсе не думает, что враги не заслуживают осуждения и наказания. Но судить и наказывать может только Бог, и Божий слуга – человек с мечом.

«Не мстите за себя, возлюбленные, – пишет Павел, – но дайте место гневу Божию. Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья».²³⁷

Не любить врагов, это значит покушаться на исключительное право Бога и власти – судить и миловать.

«Судить, – пишет Иоанн Лествичник, – значит, бесстыдно похищать сан Божий».²³⁸

То, одним словом, что в христианстве и в моральной философии принято называть этическими отношениями, есть отношения правовые.

И когда Соловьев, доказывая единство права и этики, говорит, что «нет такого нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общепонятно выражено в терминах правовых», он, конечно, прав.

Тут «дело идет не о случайной одинаковости терминов». Эта одинаковость как раз потому и существует, что теология и философия этику подменили правом.

7. Неагрессивный характер безнравственности

Если нравственное поведение, это поведение агрессивное, то безнравственность должна быть неагрессивна. И это, действительно, так.

²³⁶ А. Лопухин «Толковая Библия»

²³⁷ Апостол Павел «К Римлянам»

²³⁸ И. Лествичник «Лествица»

Безнравственный человек избегает борьбы и добивается власти и превосходства другими средствами – коварством, хитростью и вероломством.

Уловки такого человека «многочисленны, пронизательность сильна, а достижение им целей происходит наитончайшим образом».²³⁹ Его находят «глупым и наивным, а он уже разобрался в тонкостях дела и строит изощренные хитрости». Он «подобен огню, что скрылся под пеплом».²⁴⁰

Что очень удобно и привлекательно, «единоборство мягкостью – коварством и хитростью более успешно, чем единоборство резкостью – настойчивостью и упрямством».²⁴¹

Абдельвадидский султан Абу-Хамму Муса II хорошо знал жизнь, и поучал своего сына: «Хитри по-разному, обманывая по-всякому; хорошая уловка стоит целого войска».²⁴²

7.1. Лесть

Самый простой и показательный пример не агрессивности безнравственного поведения показывает лесть.

С помощью лести нельзя приобрести превосходство и власть, зато легко приобрести свободу от чужого произвола.

Когда Иаков узнал, что Исав хочет его убить, он послал брату подарки: двести двадцать козлов, двести овец и двадцать овнов, тридцать верблюдиц с жеребятами, сорок коров, десять волов, двадцать ослиц и десять ослов.

Потом, когда они встретились, Иаков поклонился Исаву семь раз. Потом восемь раз назвал брата своим господином. И еще больше польстил, когда сказал: «я увидел лицо твое, как бы кто увидел лицо Божие».

И раби Иоханан делает из этой истории образец, как нужно поступать, чтобы без меча добиться мира и благоденствия.

«Всякий, – говорит он, – кто хочет умиротворить царя или

²³⁹ А. Игнатенко «Обман в контексте арабо-исламской культуры средневековья»

²⁴⁰ А. Игнатенко «Обман в контексте арабо-исламской культуры средневековья»

²⁴¹ А. Игнатенко «Обман в контексте арабо-исламской культуры средневековья»

²⁴² А. Игнатенко «Обман в контексте арабо-исламской культуры средневековья»

властителя, и не знает, как это сделать, пусть положит перед собой эту главу о Якове и Эсаве и учит из нее способы добиться умиротворения и благоволения».²⁴³

Лесть, по словам Петра Ткачева, превращает человека в «нравственное чудовище», «лишенное всякого сознания собственного достоинства, совершенно неспособное ни к какой борьбе, ни к какому активному протесту».²⁴⁴

Этот революционер вычитал в одной лояльной к самодержавию газете, что экономическое положение государства потрясено; финансы в расстройстве; крестьяне обеднели; урядники вместе со станowymi и исправниками не приносят пользы народу и правительству; хищения расстраивают народный организм.

Ткачев, наверное, правильно считает, что до такого положения Россию довела «бесконтрольная, вездесущая и всемогущая» власть царя.

И он думает, что не может существовать такого «нравственного уроды», который в состоянии «с искреннею признательностью лизать руку, его, не защищающую и целовать ногу, его топчущую».

Человек, «не утративший образа и подобия человеческого», должен испытывать к самодержцу «чувство негодования, озлобления, презрения, ненависти и мщения». Он, другими словами, должен поступать агрессивно, если он человек порядочный.

Но Ткачев видит около трона людей, которые, расталкивая друг друга, стремятся лестью заслужить то, что добывается в революционной борьбе.

Все сословия шлют к «своему палачу, тирану и грабителю «выборных» депутатов, которые от имени народа «лижут ему ноги, целуют его руки и, обливаясь слезами, заверяют в своей любви, преданности и благодарности!»

²⁴³ Леках Тов, 61

²⁴⁴ Петр Ткачев «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России»

Де Кюстин, посетивший Россию при Николае Первом, пишет в своих письмах, что «последний холоп, коли он сумеет угодить повелителю, назавтра может стать первым лицом после императора».²⁴⁵

В том, что начальство любит лесть, есть какая-то общечеловеческая беспомощность, что-то, что вызывает сочувствие и даже сострадание. Ведь само по себе умение ценить чужие достоинства – крайне редкая добродетель. Землю преимущественно населяют люди завистливые, и «всякий вид добродетели не остается у них без такого имени, которое заимствовано от противоположного порока».²⁴⁶

«Заслуживающих одобрение, – говорит Ефрем Сирин, – они унижают; кто идет добрым путем, тем полагают на пути соблазны; кто живет как должно, тех порицают».

И поэтому человек цепляется за всякую похвалу, и поэтому лесть так легко находит дорогу к любому сердцу и разрушает любые крепости.

Рассказывая о частной и общественной жизни римлян, Гиро приводит историю Афера. Афер достиг богатства и славы, обвинив «в беспутной жизни, в кознях и чародействе, направленных против императора» Клавдию Пульхру – родственницу и близкую подругу Агрипины, вдовы Германика.

Однако когда к власти пришел Клавдий, над Афером нависла смертельная опасность. Новый император был сыном Агрипины.

И Афера выручила лесть, которая для Клавдия оказалась дороже матери.

Правда, Клавдий подозрительно относился к чужим похвалам, и иногда комплименты принимал за оскорбления.

Когда Афер воздвиг в честь Клавдия статую, «с надписью, в которой упоминалось, что Калигула, двадцати семи лет отроду, уже был вторично избран консулом», император увидел в этой надписи «оскорбительный намек на его молодость и кос-

²⁴⁵ Де Кюстин «Россия в 1839 году»

²⁴⁶ Де Кюстин «Россия в 1839 году»

венное указание на закон, запрещавший быть консулом в таких юных годах».²⁴⁷

Калигула приготовил и произнес в сенате речь против Афера.

И Афер вместо того, чтобы защищаться, сделал вид, что речь императора поразила его, как гром, и сказал, что «гораздо меньше боится всемогущего Калигулы, чем его ораторского таланта». После этого он начал цитировать речь Калигулы и указывать на ее красоты.

И Калигула, который считал себя лучшим оратором своего времени, «вернул Аферу свое расположение».²⁴⁸

7.2. Доносительство

Доносительство, это способ мести своим врагам. Доноситель устраняет соперников чужими руками, и без борьбы добивается намеченной цели.

На Кавказе кровомстители или враждовавшие между собой люди, избегая открытой агрессии, расправлялись со своими врагами при помощи русской администрации.

Адыг, чтобы отомстить кровнику или врагу, мог сделать донос российским властям, «удовлетворяя таким образом свои мстительные чувства».²⁴⁹ По словам Кажарова²⁵⁰ в пореформенный период «стали входить в практику ложные обвинения в абречестве как одна из форм расправы с неугодными лицами».

Таких фактов было, судя по всему, достаточно, чтобы Сталь,²⁵¹ описывая кровную месть у адыгов в первой половине девятнадцатого века, говорил, что «при совершении кровомщения не было ничего рыцарского».

Донос, как форма мести, случался и среди чеченцев и ингушей.

²⁴⁷ П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян»

²⁴⁸ П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян»

²⁴⁹ И. Бабич «Право и жизнь в адыгском обществе»

²⁵⁰ И. Бабич «Право и жизнь в адыгском обществе»

²⁵¹ И. Бабич «Право и жизнь в адыгском обществе»

«Администрация края, — писал Плиев,²⁵² — выделяла из сельских общественных фондов известную сумму для вознаграждения доносчиков, которые клеветали на своих соплеменников. Доносчики эти писали ложные доносы, кляузы на тех лиц, с которыми были во враждебных отношениях, получая за это вознаграждения».

7.3. Институт заложников

Не трудно добиться превосходства над соперником или врагом, используя так называемый институт заложников.

Преимущественно заложников берут на войне или в ситуациях, похожих на военное противостояние.

Ирен Геррман и Даниэль Пальмиери говорят о заложниках, как об оружии, и цель этого оружия — как и любого другого — «добиться преимущества и заставить противника сдаться, или хотя бы пойти на какие-то уступки».²⁵³

И безнравственность этого института состоит как раз в том, что на безоружного соперника нападают с оружием.

Во время Гражданской войны в России практику заложников применяли, в том числе и большевики.

Локкарт рассказывал, что заложников брали, например, по сыскным сообщениям.

«Когда, — писал он в 1918 году, — в Петрограде был опубликован длинный список заложников, большевики арестовали жен не найденных и посадили их в тюрьму впредь до явки их мужей».²⁵⁴

Жены часто становились заложниками мужей-офицеров, которые соглашались служить в Красной Армии. Когда мужья переходили на сторону белых, жен — расстреливали.

Таким образом, большевики без борьбы подчиняли своей власти кадровых старорежимных офицеров.

Автор «Красного террора» приводит многочисленные при-

²⁵² И. Бабич «Право и жизнь в адыгском обществе»

²⁵³ И. Геррман, Д. Пальмиери «Заложники: извечная проблема»

²⁵⁴ Красный террор в России 1918 – 1923, Изд. 2ое дополненное, Берлин, 1924

меры применения института заложников в разные годы гражданской войны в России.²⁵⁵

Председатель Харьковского губисполкома Кон говорил в своем докладе на местном Совете, что в случае, «если буржуазный гад поднимет голову, то, прежде всего, падут головы заложников».

Во время крестьянского восстания в Тамбовской губернии в заложники брали крестьянских жен вместе с детьми.

Приказ оперативного штаба ЧК от 1 сентября 1920 года предписывал «провести к семьям восставших беспощадный красный террор. Арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их».²⁵⁶

Ограничение возраста заложников, как выражение гуманности, соблюдалось не везде. В Кожуховском концентрационном лагере под Москвой в качестве заложников находилось 313 тамбовских крестьян. Среди них были дети возрастом от одного месяца до шестнадцати лет.

По официальным сообщениям в тамбовских «Известиях» уже пятого сентября в Тамбовской области сожгли пять сел, седьмого – расстреляли двести пятьдесят заложников. Белоэмигранты писали, что «расстреливали детей в присутствии родителей и родителей в присутствии детей».

Смысл института заложников состоит в том, что расправляясь с невинными, или только угрожая расправой над невинными, человек принуждает врага отказаться от борьбы не из страха перед противником, а из сочувствия к невинным.

Ирен Геррман и Даниэль Пальмиери, рассматривая заложников, как невинную жертву, говорят, хуже всего то, что «они становятся заложниками именно потому, что они ни в чем не повинны».²⁵⁷

²⁵⁵ Правда, в предисловии он делает оговорку: «Я не могу взять ответственности за каждый факт, мною приводимый»

²⁵⁶ Красный террор в России 1918 – 1923, Изд. 2ое дополненное, Берлин, 1924

²⁵⁷ Ирен Геррман, Даниэль Пальмиери, «Заложники: извечная проблема»

Те, кто использует заложников, чтобы оказать давление на противника, играют на его ценностях и принципах. Точнее даже будет сказать, они паразитируют на том лучшем, что есть в противнике и в человеке вообще.

Но чаще место заложника занимает сам безнравственный человек. Для того чтобы добиться своих целей, он угрожает сопернику расправиться с самим собой. Хорни описывает такие случаи у людей, страдающих невротической потребностью в любви. Человек вынужден уступать таким невротикам «из-за перспективы стать виновником его несчастья или смерти».²⁵⁸

Гуггенбюль-Крейг²⁵⁹ напоминает в этой связи «шестнадцатилетнюю девочку, которая безропотно подчинялась своей матери, поскольку в противном случае та прикидывалась больной.

«Посмотри, до чего ты довела свою мать», – говорил дочери отец». И дочь покорялась желаниям родителей.

7.4. Шантаж

Еще один способ заставить противника отказаться от борьбы и взять над ним верх, это шантаж.

Захави²⁶⁰ даже считает, что шантаж, это врожденное свойство животных, которое можно рассматривать как прием детского поведения.

Он предполагает, что птенцы шантажируют родителей тем, что громко кричат «с намерением привлечь хищников к гнезду». И взрослым птицам приходится их непрерывно кормить, чтобы они замолчали.

Я долго не мог смириться с расхожим мнением, что Сергей Нечаев – отвратительный человек. Разве Бакунин не писал об этом сыне маляра, как о человеке драгоценном, который «и лучше, и чище, и преданнее, и деятельнее, и полезнее нас всех, вместе взятых»?

²⁵⁸ К. Хорни «невротическая личность нашего времени»

²⁵⁹ Гуггенбюль-Крейг А. Благо Сатаны. Парадоксы психологии

²⁶⁰ П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян»

Разве не говорил Бакунин, что Нечаев чернорабочий, другие белоперчаточники; Нечаев делает, другие болтают; Нечаев есть, других нет?

«Я, — пишет Бакунин про Нечаева, которого в Женеве зовут Бароном, — предпочитаю Барона всем другим и больше люблю, и больше уважаю его, чем других».²⁶¹

В своем «Катехизисе» Нечаев пишет, что у революционера нет другой цели «кроме полнейшего освобождения и счастья народа», что «он каждый день должен быть готов к смерти» и смотрит на себя на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела».

Пропусту говоря, революционер, это альтруист в том самом смысле, в каком альтруизм понимает этическая философия.

Александровская, которая дала согласие сотрудничать со следствием в нечаевском деле, говорила, что Нечаев «делом своего общества, по-видимому, весь поглощен; других интересов для него не существует. Излишков себе никаких не позволяет».²⁶²

«Мне стыдно было сознавать, — писала о Нечаеве Успенская, — что у меня есть личная жизнь, личные интересы. У него же ничего не было — ни семьи, ни личных привязанностей, не своего угла, никакого решительно имущества, хотя бы такого же скудного, как у нас, не было даже своего имени; звали его тогда не Сергеем Геннадиевичем, а Иваном Петровичем».²⁶³

Нечаев стремится взять власть над революционными деятелями России, которые больше говорят, чем делают.

Иммигранты, судя по всему, ему не очень понравились.

Герцен вообще, кажется, не собирался ехать на революцию в Россию.

«Сколько можно ломать дрова?», — спрашивал он. — Французская революция довольно «наказнила статуй, картин, памятников».

И этот человек, которого декабристы разбудили, чтобы он

²⁶¹ П. Пирумова «Бакунин»

²⁶² П. Пирумова «Бакунин»

²⁶³ П. Пирумова «Бакунин»

освободил народ, с «тупой грустью и чуть не со стыдом» смотрит в каком-нибудь Париже на «пустую стену, на разбитое изваяние, на выброшенный гроб».

Да, народу нужна свобода, говорит он. Но «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри».²⁶⁴

«Великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей, — пишет Герцен для русских и ставит в пример англичан. — Бойцы за свободу в серьезных поднятиях оружия всегда были святы, как воины Кромвеля, — и оттого сильны».²⁶⁵

Разве это не похоже на соображения Екатерины Второй, которая тоже знала толк в статуях, картинах и памятниках и говорила, что «весьма дурная политика та, которая исправляет законами то, что должно исправить нравами».

Бакунин рад чужими руками загрести жар в России, а сам переводит Маркса, чтобы прокормить семью.

«Ясно, — пишет он, — что для того, чтобы предать себя полному служению делу, я должен иметь средства для жизни. К тому же у меня жена, дети, которых я не могу обречь на голодную смерть».

И в том, что Нечаев хочет взять инициативу в свои руки, может быть, нет ничего предосудительного. Предосудительно, какими средствами Нечаев добивался власти над новыми и старыми революционерами.

Лопатин, которого характеризуют, как революционера, обладавшего «безупречной репутацией мужественного и честного человека», говорил об «оригинальном отношении Нечаева к чужой собственности». Нечаев имел нехорошую привычку «иногда класть в карман интересные письма, «полезные вещицы», найденные им в отсутствие приятеля на его письменном столе».²⁶⁶

Нечаев не постеснялся объяснить Бакунину, для чего ему

²⁶⁴ Новейший философский словарь

²⁶⁵ Новейший философский словарь

²⁶⁶ П. Пирумова «Бакунин»

понадобились эти «интересные письма» и «полезные вещи-ки». Незадолго до этого объяснения Владимир Серебренников – товарищ Нечаева и откровенный негодяй, по словам Бакунина – украл у теоретика русского бунта какие-то письма, которые могли его скомпрометировать.

Нечаев сказал анархисту, что такая у них «система», что они компанию Бакунина считают «как бы врагами» и ставят себе в обязанность «обманывать, компрометировать всех», кто не идет с ними вполне.

«Мы, – сказал Нечаев, – очень благодарны за все, что вы для нас сделали, но так как вы никогда не хотели отдаться нам совсем, мы хотели заручиться против вас на всякий случай. Для этого я считал себя вправе красть ваши письма и считал себя обязанным сеять раздор между вами».²⁶⁷

Нечаев, пожалуй, такой же негодяй, как и Серебренников, все время выскальзывает из рук, хоть Бакунин и думал, что «его можно крепко ухватить и крепко держать за какой-нибудь угол», потому что и подлость он делает с благими намерениями.

Александровская писала, будто Нечаев был убежден, что если людей «ставить в безвыходное положение, то у них, невзирая на их организацию и воспитание, непременно выработается отважность в силу крайней в том потребности».²⁶⁸

7.5. Самоубийство

Самоубийство может быть безнравственным поступком, если это месть тому, кто сильнее и с кем самоубийца не может бороться из-за своего малодушия.

У чувашей, вотяков и у русских в Тамбовской губернии была распространена особая форма мести, которая называлась «сухая беда». Обиженный человек вешался во дворе своего врага.

Вешались оскорбленные каким-нибудь местным головою

²⁶⁷ П. Пирумова «Бакунин»

²⁶⁸ П. Пирумова «Бакунин»

заседатели волостного правления, обманутые девушки и отвергнутые парни. Так они хотели причинить неприятность оскорбителю.

Зеленин²⁶⁹ объясняет этот обычай с точки зрения народных представлений об удавленниках. Все умершие неестественной смертью превращаются в страшного загробного гостя, и живут там, где наложили на себя руки или стали жертвой несчастного случая.

Таким образом, «самый трусливый и смирный бедняк получает возможность сторицею отомстить своему обидчику, как бы силен и богат тот ни был».²⁷⁰

7.6. Распространение невыгодных слухов

Каждый раз, когда речь идет о безнравственном, обнаруживается одно и то же – безнравственный человек избегает борьбы с соперником, и делает все, чтобы он или сам сложил оружие, или чтобы с ним расправился кто-то другой.

Для легкой победы над соперником есть еще одно хорошее средство. Нужно распространять о нем разные слухи, которые могут повредить их репутации.

Блестящим специалистом в такого рода делах был Цицерон, который почему-то считал, что честности в нем больше, чем красноречия.

По словам Саллюстия, это был ничтожнейший и гнуснейший человек.

Он прислуживал тем, против кого прежде злоумышлял. Кого величал наилучшими, потом называл «безумными и бешеными». Кого «больше всего ненавидел», тому и покорялся. Стоя говорил одно, сидя – другое. Это был «жалкий перебежчик, которому не доверяют ни те, не другие»²⁷¹.

Плутарх в своих жизнеописаниях не точно передает настроение Цицерона во время войны Цезаря против Помпея. По

²⁶⁹ Д. Зеленин «Умершие неестественной смертью и русалки»

²⁷⁰ Дмитрий Зеленин «Умершие неестественной смертью и русалки»

²⁷¹ Саллюстий «Инвектива против Марка Тулия Цицерона»

Плутарху получается, что Цицерону оба полководца были дороги, и он не знал, на чью сторону встать.

Цицерон, пишет Плутарх, «был в страшной тревоге и долго колебался между двумя решениями»: с кем быть, с Помпеем или с Цезарем.

У Помпея был «славный и справедливый повод к войне», зато Цезарь искуснее воевал и заботился о спасении своих друзей. Поэтому, «от кого бежать, ему ясно, но неясно, к кому».

На самом деле Цицерон пишет Аттику, что предпочитает «быть побежденным вместе с Помпеем», нежели победить с Цезарем.

«Правда, – пишет он, – с тем Помпеем, каким он был тогда или каким мне казался».²⁷²

Теперешний Помпей предал их общее дело и обращается в бегство раньше, чем знает куда бежать. Поэтому Цицерон и пишет, что ему «есть от кого бежать», подразумевая Цезаря, «но не за кем следовать», потому что уже нет того Помпея, с которым он якобы хотел умереть.

После победы Цезаря при Фарсале, Цицерон, что не удивительно, перешел на сторону победителя, и в сентябре сорок шестого года до рождения Христова произнес свою главную оду Юлию Цезарю.

В тот день император простил своего заклятого врага Марка Клавдия Марцела. Этот Марцел интриговал против Цезаря, когда Цезарь воевал в Галлии, и эти интриги угрожали карьере будущего императора. Именно из-за происков Марцела Цезарь развязал гражданскую войну в Римской империи.

И великодушие Цезаря стало главной причиной, ради которой Цицерон взял слово в сенате и произнес свою очередную знаменитую речь.

Человека, сказал Цицерон, который умеет «свое враждебное чувство победить, гнев сдержать, побежденного пощадить, поверженного противника, не только поднять с земли, но и возвеличить», такого человека Цицерон не стал даже сравнивать

²⁷² Цицерон «Письма. CCCXXXVII. Титу Помпонию Аттику»

с великими мужами. Такого человека он признает богоравным.

При мысленном взоре на своего благодетеля Цицерон приходит в полную беспомощность, оттого, что не может придумать достойной похвалы для этого богоравного человека.

«Какими похвалами превозносить нам тебя, – спрашивает он у Цезаря, – с каким восторгом за тобой следовать, какой преданностью тебя окружить?»

Цицерон говорит в этой речи, что многие враги благодаря милосердию Цезаря стали его лучшими друзьями.

«Все мы, – говорит лучший друг Цезаря, – обещаем тебе – коль скоро ты думаешь, что следует чего-то опасаться, – не только быть твоей стражей и охраной, но также и заслонить тебя своей грудью и своим телом».

Когда заговорщики зарезали Цезаря, Цицерон написал одному из заговорщиков: «Поздравляю тебя; радуюсь за себя; люблю тебя».²⁷³

В другом письме Цицерон пишет, что «узрел» радость «при виде справедливой гибели» властелина. После смерти Цезаря, Цицерон повторял в письмах к Аттику, что при всех невзгодах его «утешают мартовские иды».²⁷⁴

Вот таким был Цицерон, что, вообще говоря, очень грустно. Тут и, правда, поверишь Шопенгауэру, что если бы не было собак, то не было бы и морды, в которую можно смотреть без недоверия.

И, конечно, не удивительно, что оратор в совершенстве владел и искусством распространять невыгодные для соперника слухи.

Когда он стал домогаться должности консула Римской империи, его соперником оказался Катилина.

Катилина планировал ограничить власть сената, провести кассацию долгов, предоставить земли городскому плебсу. Предоставление земли городскому плебсу предусматривал и, отвергнутый сенатом, закон Публия Сервилия Рулла. Есть

²⁷³ Цицерон «Письма. DCCl. Луцию Минуцию Басилу»

²⁷⁴ На мартовские иды (15 марта 44 до н. э.) был убит Гай Юлий Цезарь

предположение, что действительным автором этого закона был Цезарь.

Брат оратора Квинт, который учил Цицерона искусству приобретения власти, писал, что таких соперников, как Катилина не следует опасаться. Цицерону, который пользуется «расположением тех, кто выносит приговор», наоборот «желательны такие соперники».

Катилина, так этого человека опишет в своих речах знаменитый оратор, рожден среди нищеты, воспитан среди разврата, возмужал среди убийств. Он жил среди актеров и гладиаторов. Первые были ему помощниками в разврате, вторые – в преступлениях.

Он осквернял мальчиков, «чуть ли не в объятиях у их родителей». Он был под судом, подкупил судей, и вышел из суда таким же бедным, какими были судьи до вынесения приговора.

Нужно только позаботиться, учит Квинт, чтобы о таких соперниках «распространялись соответствующие их нравам позорные слухи, если только это возможно, – либо о преступлении, либо о разврате, либо о мотовстве».

И Цицерон не упустил случая воспользоваться этим замечательным советом.

Во время выборов он распространил слухи, что Катилина замышлял его убить «возбудив смуту при подаче голосов».²⁷⁵

После этого он пришел на Поле, «надевши панцирь». И «чтобы всех оповестить об опасности, которая ему угрожает»,²⁷⁶ умышленно спустил с плеч тунику, выставляя свой панцирь на показ.

Народ тем охотнее поверил, что Катилина замышляет убийство, и выбрал консулом Цицерона.

Вскоре поползли слухи, что Катилина готовит государственный переворот. Хотя, судя по всему, против Катилины не было ни одного достоверного факта.

Были какие-то подметные письма, неизвестно кем напи-

²⁷⁵ Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

²⁷⁶ Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

санные; было свидетельство Фульвии,²⁷⁷ что у Катилины собирались заговорщики и говорили о том, что Римом правят люди недостойные.

Саллюстий, скорее всего, выдает за правду городские сплетни, когда говорит, что сообщники присягнули Катилине и выпили чаши «с человеческой кровью, смешанной с вином».

Плутарх рассказывает те же бредни, только для скрепления клятвы крови с вином считает недостаточным.

«Поставив его над собой вожаком, – пишет Плутарх, – злодеи поклялись друг другу в верности, а в довершение всех клятв закололи в жертву человека, и каждый отведал его мяса».²⁷⁸

Цицерон, объявил в Сенате в присутствии Катилины, что тот хочет «резней и поджогами весь мир превратить в пустыню».²⁷⁹

«Здесь, – говорил оратор, – среди нас, отцы-сенаторы, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира!»

Уничтожить весь мир, Катилина, по словам Цицерона, собирался не с армией легионеров, как это обыкновенно делалось в Римской империи, а с гладиаторами и низкими распутными актерами.

Они, говорит Цицерон, «возлежа на пирушках, обняв бесстыдных женщин, упившись вином, объевшись, украсившись венками, умастившись благовониями, ослабев от разврата, грозят истребить честных людей и поджечь города».²⁸⁰

В Риме, и, правда, было достаточно всякого сброда, который Цицерон записывал в армию Катилины. По словам Саллюстия, «все, кого их гнусности и преступления выгнали из дома, стекались в Рим, словно в сточную яму».²⁸¹

²⁷⁷ Плутарх называет Фульвию просто «знатной женщиной». По Саллюстию Фульвия состояла в безнравственной связи с Квинтом Курием, который входил в заговор Катилины.

²⁷⁸ Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

²⁷⁹ Марк Тулий Цицерон «Первая речь против Луция Сергия Катилины»

²⁸⁰ Марк Тулий Цицерон «Первая речь против Луция Сергия Катилины»

²⁸¹ Гай Саллюстий Крисп «О заговоре Катилины»

Эта-то сомнительная публика, по словам Цицерона, и составляла «небывалый союз злодейства». И против этого несуществующего союза оратор выступил в поход, назначив себя «полководцем в этой войне».

Расстановку сил новоиспеченный полководец описывает не в военных, а в этических терминах. Низкие люди ведь всегда делают вид, что защищают нравственные ценности.

«На нашей стороне, – говорит он, – сражается чувство чести, на той – наглость; здесь – стыдливость, там – разврат; здесь – верность, там – обман; здесь – честное имя, там – позор».²⁸²

Порядочность, говорил он, сражается с подлостью.

Но Цицерон, кроме своих фантазий, ничего не имеет против Катилины. Он боится ненависти «грядущих поколений», и не может арестовать и казнить Катилину, как государственного преступника.

Саллюстий, который в своей инвективе²⁸³ описывает Цицерона теми же славями, какими Цицерон описывал Катилину, упоминает об утверждении оратора, что он «был в собрании бессмертных богов и прислан оттуда как страж Города и граждан, а не как палач».

И вот перед лицом Сената этот сочинитель «Самодовлеющей добродетели» произносит свое знаменитое «О, времена! О, нравы!», что в нашу эпоху нередко принимают за стон в защиту нравственности.

На самом деле Цицерон сетовал, что в Риме перевелись доблестные люди, готовые зарезать Катилину в подворотне, не дожидаясь пока консул представит доказательства его вины.

«В нашем государстве, – говорил Цицерон, – далеко не редко даже частные лица карали смертью граждан, несших ему погибель. Самые известные граждане не только не запятнали себя, но даже прославились, пролив кровь Сатурнина, Гракхов и Флакка».²⁸⁴

²⁸² Марк Тулий Цицерон «Вторая речь против Луция Сергия Катилины»

²⁸³ Саллюстий «Инвектива против Марка Туллия Цицерона»

²⁸⁴ Марк Тулий Цицерон «Первая речь против Луция Сергия Катилины»

Катилина не сказал в ответ Цицерону ни слова. Никто не поддержал его и не возразил оратору. После этой речи Катилина уехал из Рима.

Так, не замавав руки кровью Катилины, Цицерон победил своего соперника.

Это классика жанра. Нужно ли говорить, что очернительство, это самое ходовое средство в борьбе с врагами или просто конкурентами?

И это очень эффективное средство, как, впрочем, и другие такие же безнравственные средства достижения превосходства.

Это возможно потому, что в человеческом обществе место борьбы за высокое положение, это конкуренция за завоевание, как говорит Зимель, расположения третьей стороны. Эта третья сторона, – сюзерен во всех смыслах этого слова, будь то начальник или народ, который на избирательном участке выбирает себе слуг.

От этого сюзерена зависит место человека в обществе, и, значит, его судьба. И на рынке человеческих отношений каждый стремится произвести на государя хорошее впечатление и многие стремятся испортить репутацию своим конкурентам.

«Люди, жившие в обществе, – пишет Гольбах, – думали лишь о том, чтобы вредить друг другу, мечтая только о благосклонности к ним государя, который с своей стороны считал выгодным для себя вредить всем.

Вот как испортились человеческие сердца; вот где настоящий корень морального зла и той закоренелой, наследственной, заразной развращенности, которая царит на земле».²⁸⁵

7.7. Дружба

Это может показаться невероятным, но и дружба, воспеваемая, как величайшая нравственная добродетель, если не всегда, то слишком часто оказывается безнравственностью.

Мак-Клелланд, говорит, что человек хочет чувствовать

²⁸⁵ П. Гольбах «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного»

себя могущественным, и есть много способов увеличить свое могущество. Например, привязанность ребенка к матери, по словам Мак-Клелланда, это тоже способ «увеличить ощущение собственной силы».²⁸⁶

Люди, которые уклоняются от борьбы там, где следует бороться, и страдают так называемой невротической потребностью в любви, пытаются увеличить «ощущение собственной силы» добываясь чужой любви и покровительства. Они приобретают могущество за счет помощи других людей.

Потребность увеличения силы и могущества заставляет человека обзаводиться друзьями, «которые могут поддержать, защитить, вдохновить, воодушевить»,²⁸⁷ и помочь расправиться с врагами.

Об этом было хорошо известно еще Зимелю. Он не сомневался, что «наличие общего врага становится причиной сплочения множества элементов, которые ранее могли вообще не иметь отношения друг к другу, и создания новой группы».²⁸⁸

Зиммель даже говорит, что для поддержания единства в группе благоразумно иметь врагов, что обычно и делают мудрые государи.

«Полная победа группы над ее врагами, – слова Зимеля, – это не всегда удача в социологическом смысле, так как при этом уменьшается энергия, которая гарантирует ее сплоченность, и обретают твердую почву всегда существующие силы разложения».²⁸⁹

Монтень, описывая дружбу, привлекает все художественные средства, все художественные штампы; он напрягает всю свою фантазию, всю свою начитанность и поднимает дружбу до небесной святости. И этому небесному нет подобия на земле.

Это – пишет Монтень – «божественное единение».

Но за этим божественным нет ничего, кроме человеческого желания удвоить свои собственные силы. Монтень, соглаша-

²⁸⁶ Х. Хекхаузен «Мотивация и деятельность»

²⁸⁷ Р. Райт «Моральное животное»

²⁸⁸ В. Степаненкова «Борьба всех за всех»: теория конфликта Георга Зимеля».

²⁸⁹ G. Simmel «Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung».

ется с Аристотелем, что дружба, это «одна душа в двух телах».

«Удваивать себя, – пишет Монтень, – великое чудо».²⁹⁰

Рассказывая о дружбе двух гусakov, Лоренц говорит, что «они вдохновляют друг друга на великие дела». И эти дела ни что иное, как борьба за превосходство.

«Поскольку им не может противостоять ни одна разнополая пара, – пишет Лоренц, – такая пара гусakov приобретает очень высокое, если не наивысшее положение в иерархии своей колонии».²⁹¹

Когда же гусь из такой пары теряет своего друга, у него «тот час пропадает какая бы то ни была готовность к борьбе». Он «перестает защищаться от своих сородичей, убегает от более молодых и слабых, и мигом оказывается на самой низшей ступени иерархии».²⁹²

Мафиози всем связям предпочитают родственные, что тоже увеличивает ощущение собственной силы.

«Значение семьи, – пишет Чернявская, – заключается в том, чтобы доказать окружающим способность навязывать собственную волю».²⁹³

Дружба у мафиози играет вспомогательную роль. Это, скорее, не дружба в том божественном смысле, о котором говорит Монтень, а полезные знакомства. И эти знакомства мафиози выставляют напоказ, потому «что число друзей является одним из признаков общественного влияния отдельного мафиозо или всей семьи».²⁹⁴

Райт, посмотрев на вещи беспристрастно, обнаружил, что дружба для того и существует, чтобы в альянсе добиваться высокого социального статуса.

«Для чего же еще нужны друзья?» – резонно спрашивает Райт.

²⁹⁰ Мишель Монтень «Опыты»

²⁹¹ К. Лоренц «Агрессия»

²⁹² К. Лоренц «Агрессия»

²⁹³ А. Г. Чернявская. «Классическая» мафия»

²⁹⁴ А. Г. Чернявская. «Классическая» мафия»

Он говорит, что человек отличается от кур склонностью к взаимному альтруизму. Имеется в виду то, что у кур в борьбе за «порядок клевания» каждая курица полагается только на саму себя. А взаимный альтруизм у человека предполагает наличие друзей, которые «помогают друг другу во взаимных конфликтах».²⁹⁵

Авторитетный покровитель, которого Райт называет другом, «в нужном месте и когда надо должен отрекомендовать вас, как хорошего человека. А про ваших врагов сказать, что они – люди недостойные».²⁹⁶

«Эффект дружбы, – такой вывод делает Райт, – должен связать индивидуальные узлы корыстной нечестности и соединить их в сети коллективной нечестности».²⁹⁷

8. Заключение

Итак, нравственное поведение, это поведение агрессивное. То и другое, всего лишь разные название одного типа поведения. Если рассматривать их отдельно, то обнаруживается, что они обладают одинаковыми свойствами и выполняют одинаковую функцию.

Безнравственное поведение, наоборот, не обладает признаками агрессии.

Когда я говорю об агрессии, я имею в виду, то, что Лоренц называет агрессией в подлинном смысле слова. Это естественная реакция организма на угрожающую ему опасность. Животное, как пчела «жалит» с перепугу в минуту опасности, а не потому, что у него есть потребность причинять боль другому животному. И как только исчезает опасность, исчезает и агрессивность.

Правда, у человека все гораздо сложнее. Он, по выражению Фромма, может проявлять агрессию на свой собственный прогноз, хоть и не обладает выдающимися способностями к про-

²⁹⁵ Р. Райт «Моральное животное»

²⁹⁶ Р. Райт «Моральное животное»

²⁹⁷ Р. Райт «Моральное животное»

гнозированию. И человеческая агрессия часто бывает злом, потому что зло, это не просто насилие, а насилие несправедливое.

Нравственный человек защищает свое географическое или социальное пространство. И все, кто находится в этом пространстве, оказываются под его защитой. Благодаря этому и возникает эффект альтруизма.

Причиной, внутренним импульсом нравственного поведения выступает стремление человека к свободе, которое выражается в стремлении к власти и превосходству.

Ничто в человеке не бывает столь неутоленным, ненасытным, неукротимым, как это стремление к свободе, и столь мучительным, как переживание несвободы, низкого иерархического ранга.

И это мучительное, невыносимое переживание низкого иерархического ранга, эта неукротимая жажда быть всегда на верху, и есть та причина, которая заставляет, приневоливает человека поступать нравственно или безнравственно.

Содержание

Предисловие	3
1. Заблуждения этической философии	6
2. Внутренний импульс нравственного поведения	10
2.1. Гольбах	11
2.2. Триверс	12
2.3. Гоббс	13
2.4. Шопенгауэр и Смит	15
2.5. Гамильтон	17
3. Что такое нравственное поведение	20
3.1. Свойства нравственного поведения	21
3.2. Агрессия	26
3.3. Злой нравственный человек	29
3.4. Представления об агрессии и нравственность	34
3.5. Этика и право	37
4. Альтруизм	42
4.1. Территориальный альтруизм	42
4.2. Иерархический альтруизм	46
4.3. Природа альтруизма	50
4.4. Этология и психология	51
4.5. Вера Засулич и классовая природа нравственности	54
5. Внутренний импульс этического поведения	60
5.1. Этическое и иерархическое сознание	60
5.2. Оскорбление	67
5.3. Вежливость	68
5.4. Что такое честь	73
5.5. Стремление к превосходству	84
6. Миссия Христа	91
7. Неагрессивный характер безнравственности	98
7.1. Лесть	99
7.2. Доносительство	102
7.3. Институт заложников	103
7.4. Шантаж	105
7.5. Самоубийство	108
7.6. Распространение невыгодных слухов	109
7.7. Дружба	115
8. Заключение	118

Формат 60x84 1/16

Печать офсетная. Объем 7.57 п. л.

Тираж 50. Зак. №5345

Отпечатано в ПК «Ориус», 398055, г. Липецк, ул. Московская, 83

Тел. 31-41-05